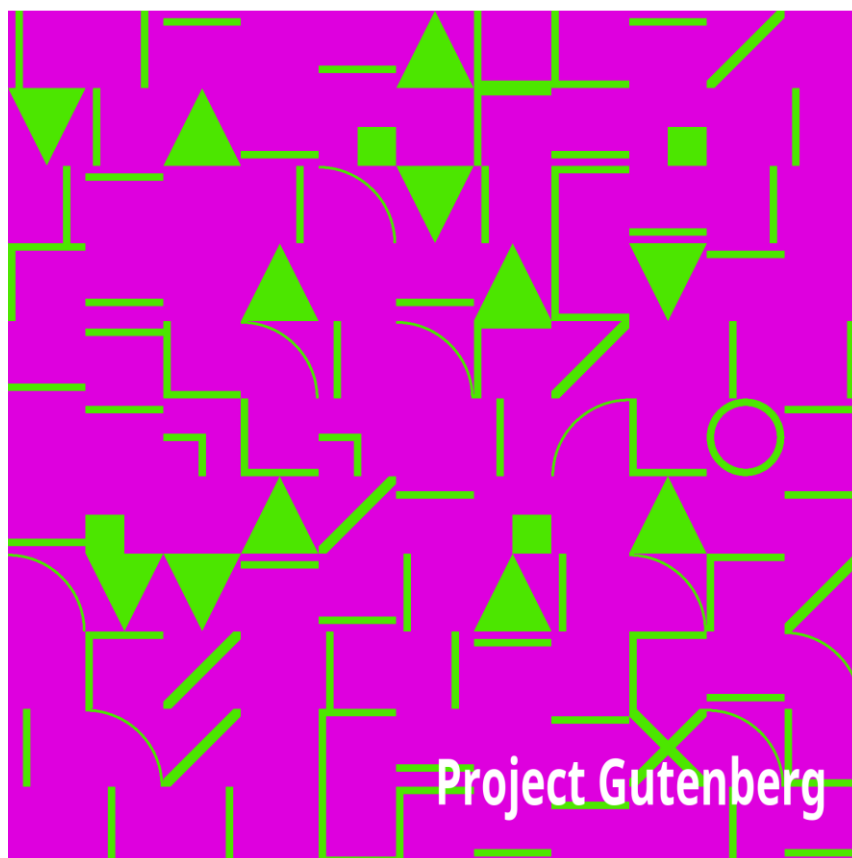

Падшая звезда или история ложной религии Э.Л. Бульвера; и диссертация о происхождении зла лорда Броэма

Барон Генри Броэм , Броэм и Вокс
Барон Эдвард Бульвер Литтон Литтон

The Fallen Star, or, the History of a False Religion by E.L. Bulwer; And, A Dissertation on the Origin of Evil by Lord Brougham

Baron Edward Bulwer Lytton Lytton and

Электронная книга проекта "Гутенберг" "Упавшая звезда, или История ложной религии" Э.Л. Бульвера; И Диссертация о происхождении зла лорда Броэма

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: "Упавшая звезда, или История ложной религии" Э.Л. Бульвера; И "Диссертация о происхождении зла" лорда Броэма

Автор: Барон Эдвард Бульвер Литтон Литтон

Барон Генри Броэм , Броэм и Вокс

Дата выхода: 1 августа 2005 г. [Электронная книга № 8654]

Последнее обновление: 26 января 2021 г.

Язык: Английский

Титры: Продюсеры Дэвид Делей и Дэвид Уиджер

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ПАДШАЯ ЗВЕЗДА, ИЛИ ИСТОРИЯ ЛОЖНОЙ РЕЛИГИИ" Э.Л. БУЛЬВЕРА; И ДИССЕРТАЦИИ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЗЛА ЛОРДА БРОЭМА ***

УПАВШАЯ ЗВЕЗДА, или ИСТОРИЯ ЛОЖНОЙ РЕЛИГИИ

Э. Л. Бульвер

и, ДИССЕРТАЦИЯ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЗЛА

автор : лорд Броэм

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

**УПАВШАЯ ЗВЕЗДА, или
ИСТОРИЯ ЛОЖНОЙ РЕЛИГИИ**

АЛЛЕГОРИЯ ЗВЕЗД.
ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ РЕЛИГИИ.
ЗАКЛЮЧЕНИЕ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЗЛА

ДИССЕРТАЦИЯ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЗЛА.

СНОСКИ:

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

РЕЛИГИЯ, говорит Ноа Вебстер в своем *Американском словаре английского языка*, происходит от “Religo - связывать заново”; и в этой *Истории ложной религии* наш автор показал, как легко

ее приверженцы попадались в ловушку, обманывались и ментально запутывались в лабиринте лжи и заблуждений коварным мошенником, который установил новую религию и новый порядок священства, воспользовавшись их невежеством и доверчивостью.

История возникновения одной сверхъестественной религии, с небольшими изменениями, послужит для описания их всех. Их притязания на веру основаны на демонстрации так называемых чудес, то есть на нарушении законов природы, ибо, если бы религии основывались на доказанных истинах науки, не было бы ни тайны, ни сверхъестественного, ни чудес, ни скептицизма, ни ложной религии. Мы бы использовали только проверенные истины и продемонстрированные факты в качестве основы нашей веры. Но это простое основание не удовлетворяет неразумную толпу. Они требуют знаков, предзнаменований, тайн, чудес ради своей веры, и запас пророков, мошенников и самозванцев всегда был достаточным для удовлетворения этой ненормальной потребности в доверчивости.

Люди-конструкторы даже в наши дни не испытывают особых трудностей в установлении новых систем веры. Джозеф Смит, изобретший религию мормонов, после своей смерти имел больше последователей и влияния в этой стране, чем Сын Плотника получил столетия назад от неграмотных жителей Палестины; и все же Смит добился своего успеха среди образованных людей в этот так называемый просвещенный век, в то время как Иисус учил в эпоху полуварварства и веры, когда и евреи, и язычники утверждали и верили, что звери, птицы, рептилии и даже рыбы понимают человеческий язык, часто одарены человеческой речью, а иногда, казалось, обладают даже большим, чем обычный человеческий интеллект.

Они учили, что змей, используя язык софистики, соблазнил Еву в Эдеме, которая, в свою очередь, развратила Адама, своего первого и единственного мужа. При крещении Иисуса Иоанном в реке Иордан голос голубя раздался в небесах, сказав совершенно отчетливо: “Ты Сын мой возлюбленный; в Тебе Мое благоволение”. Валаам поспорил со своим терпеливым вьючным животным во время их знаменитого путешествия по земле Моав, и осел оказался мудрее в последовавшем за этим споре, чем вдохновенный пророк, который ехал на нем верхом, большая рыба Оаннес покинул свою родную стихию и преподавал философию халдеям на суше. Одна уважаемая женщина еврейского происхождения — мать интересного семейства — была превращена в соляной столп в Содоме, в то время как другая женщина с большой известностью, известная как знаменитая “Ведьма Эндора”, подняла Самуила из его могилы в Раме. Святой Петр нашел шиллинг во рту рыбы, которую он поймал в Галилейском море, и этот счастливый случай позволил бедному апостолу заплатить “дань” в Капернауме. Говорят, что другой знаменитый израильтянин побил рекорд по полетам на воздушном шаре в Иудее и вознесся на небеса в огненной колеснице.

В век невежества чудеса изобилуют, происходят чудеса, и чудеса становятся обычным явлением, необразованные массы легко обманываются, и их безрассудная доверчивость позволяет им с гордостью хвастаться своей беспрекословной верой. Когда профессиональные евангелисты возбуждают их чувства и страсти, они даже заявляют, что верят в то, чего не могут постичь; и, выражаясь сатирическим языком Бульвера, они пытаются “подкрепить свое невежество догадками о своем суеверии”.

Среди множества разнообразных и противоположных религий, от которых страдает человечество, самоочевидно, что только одна религия может справедливо претендовать на вдохновение истиной, и в равной степени очевидно для всех здравомыслящих умов, что эта

религия - религия доброты и человечности, религия благородных мыслей и великодушных поступков, которая устраняет вражду рас и вероисповеданий и “делает весь мир родственным”! И который при его соблюдении благословляется симпатией, дружбой, счастьем и любовью.

Эта религия не нуждается ни в символах веры, ни в исповедании, ни в благовониях, ни в молитвах, ни в покаянии, ни в жертвоприношении. Весь его долг состоит в том, чтобы утешать страждущих, помогать несчастным, защищать беспомощных и честно выполнять наш долг перед нашими братьями-смертными. На языке Конфуция, древнекитайского мудреца, это просто “вести себя с другими так, как я хотел бы, чтобы другие вели себя со мной”.

“Поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы они поступали с тобой”, - говорит Иисус; а в Послании Иакова нам сказано, что “Чистая религия и непорочная перед Богом и Отцом состоит в том, чтобы посещать сирот и вдов в их скорбях и сохранять себя незапятнанным от мира”.

Такое же мягкое и великодушное поведение восхваляется еще более величественным языком в лекциях для французских масонских лож: “Любите друг друга, учите друг друга, помогайте друг другу. В этом вся наша доктрина, вся наша наука, весь наш закон”.

Считается, что ученая диссертация лорда Броэма о *происхождении зла*, которая прилагается к этой работе, не нуждается в одобрении для обеспечения ее внимательного прочтения.

ПИТЕР ЭКЛЕР.

УПАВШАЯ ЗВЕЗДА, или ИСТОРИЯ ЛОЖНОЙ РЕЛИГИИ

Э. Л. Бульвер

АЛЛЕГОРИЯ ЗВЕЗД.

И Звезды сидели, каждая на своем рубиновом троне, и смотрели бессонными глазами на мир. Это была ночь, возвещающая наступление нового года, ночь, в которую каждая звезда получает от архангела, который затем посещает вселенскую галактику, свой особый заряд.

Затем судьбы людей и империй распределяются на предстоящий год, и, сами того не сознавая, наши судьбы становятся уменьшенными по сравнению со звездами.

Тихая и торжественная ночь - это та, в которую темные врата времени открываются, чтобы впустить призрак ушедшего года, и молодой и лучезарный незнакомец устремляется вперед из затуманенных бездн вечности. Говорят, что в эту ночь духам, которых мы не видим, даются привилегии и сила; мертвые тревожатся в своих забытых могилах, люди пируют и смеются, в то время как демон и ангел борются за свою судьбу.

На небесах была ночь; все было невыразимо тихо, музыка сфер смолкла, и ни звука не исходило от ангелов со звезд; и тех, кто восседал на этих сияющих тронах, было три тысячи десять, и каждый походил друг на друга.

Вечная юность облекала их сияющие члены небесной красотой, а на их лицах был написан ужас спокойствия, той пугающей неподвижности, которая ничего не чувствует, не сочувствует судьбам, над которыми она размышляет.

Войны, бури, мор, расцвет империй и их падение - они предопределяют, они, компас, непревзойденны и бесстрастны. Ужасные и волнующие преступления, которые подстерегают за границей, когда мир спит — отцеубийца с его крадущейся походкой, ужасающим челом и поднятым ножом; немытая мать, которая выskalъзывает и оглядывается назад, и содрогается, и бросает своего младенца в реку, и слышит вопль, и не жалеет — плеск, и не дрожит!

Это видят короли, увенчанные звездами, — к этому они ведут бессознательным шагом; но чувство вины не притупляет их блеска, и угрызения совести не иссушают их незамутненную молодость.

Каждая звезда носила королевскую диадему; вокруг чресел каждой был пояс с гравировкой, украшенный множеством могущественных знаков; и нога каждой стояла на горящем шаре, а правая рука опускалась на колено, когда они склонялись со своих тронов; они не двигали ни конечностями, ни чертами лица, кроме пальца правой руки, который время от времени медленно двигался, указывая и регулируя судьбы людей, как стрелка циферблата показывает ход времени.

Только один из трех тысяч десяти имел иной облик, чем его коронованные собратья; звезда, меньшая, чем остальные, и менее яркая. Лицо этой звезды не производило впечатления устрашающего спокойствия остальных, но на его могучем челе читались угрюмость и недовольство.

И эта звезда сказала себе— “Смотри, я сотворен менее славным, чем мои собратья, и архангел не уготовил мне такой же величественной судьбы. Не для меня судьбы королей и бардов, правителей империй или, что еще благороднее, повелителей и гармонистов душ. Вялый дух и низменный удел людей, которых мне предназначено вести через скучную жизнь к безвестной могиле. И почему?— Это моя собственная вина, или это вина не моя, что я был соткан из бревен менее славных, чем мои братья? Lo! когда придет архангел, я не склоню свою коронованную голову перед его указами. Я буду говорить, как прародитель Люцифера до меня: *он* восстал из-за своей славы, *я* из-за своей безвестности; *он* из-за амбиций гордыни, а *я* из-за ее неудовлетворенности”.

И пока звезда таким образом общалась сама с собой, восходящие небеса расступились, как длинная река света, и по этому потоку быстро и беззвучно пронесся архангел, гость звезд; его огромные конечности парили в жидком сиянии, и его распростертые крылья, каждое перо которых было великолепно, как солнце, бесшумно несли его вперед; но густые облака скрывали его сияние от глаз смертных, и в то время как все вокруг купалось в безмятежности его великолепия, буря разразилась внизу над детьми неба. земля:

“Он склонил небеса и сошел, и тьма была под ногами его”.

И безмолвие на лицах звезд стало еще тише, и ужас сменился благоговением. Прямо над их тронами остановился архангел, и его крылья простерлись с востока на запад, осеняя светлой тенью необъятность пространства. Затем в сияющей тишине прокатилась ужасающая музыка его голоса: и, исполняя геральдику бога, каждой звезде он назначил долг и обязанность, и каждая звезда склонила голову еще ниже, услышав приказ, в то время как его трон качнулся и затрепетал от величия слова. Но, наконец, когда каждая из более ярких звезд по очереди получила мандат и наместничество над народами земли, пурпур и королевские диадемы, архангел обратился к меньшей звезде, сидевшей в стороне от своих собратьев.

“Взгляните, - сказал архангел, - на грубые племена севера, на рыбаков реки, что течет внизу, и на охотников лесов, которые затемняют зеленью вершины гор!” они будут твоей заботой, а их судьбы - твоей заботой. И не думай ты, о звезда угрюмых лучей, что твои обязанности менее славны, чем обязанности твоих братьев; ибо крестьянин для твоего господина и для меня не меньше, чем монарх; и судьба империй не зависит больше от суверена, чем от стада. Страсти и сердце — владычество звезд, могущественное царство; под шкурой, покрывающей пастуха, скрывается не меньшее могущество, чем под украшенными драгоценностями одеждами восточных королей”.

Тогда звезда оторвала свой бледный лоб от груди и ответила архангелу:

“Вот! ” сказал он. - прошли века, и каждый год ты назначал меня на одно и то же постыдное дело. Освободи меня, молю тебя, от обязанностей, которые я презираю; или, если ты хочешь, чтобы я заботился о низшей расе людей, поручи мне заботу не о многих, а об одном и позволь мне вдохнуть в него желание, которое отвергает долины жизни и поднимается по ее кручам. Если мне даны смиренные, пусть среди них будет тот, кого я могу повести на миссию, которая унизит гордых; ибо, смотри, о Назначающий Звезд, пока я бесчисленные годы сидел на своем одиноком троне, размышляя о том, что внизу, мой дух почерпнул мудрость из изменений, происходящих внизу. Глядя на племена земли, я видел, как колеблется толпа, и прослеживал шаги, ведущие слабость к власти; и я с радостью стал бы правителем того, кто, будучи унижен, будет стремиться править ”.

Подобно внезапному облачку на лице полудня, перемена произошла на челе архангела.

“Гордая и меланхоличная звезда, - сказал герольд, “ твое желание вступило бы в противоречие с течениями невидимой судьбы, которая, восседая на троне далеко вверху, колеблет и гармонизирует все; источник, из которого меньшие реки судьбы вечно текут через сердце вселенной вещей. Думаешь ли ты, что твоя мудрость сама по себе может привести крестьянина к тому, что он станет королем?

И коронованная звезда бесстрашно посмотрела в лицо архангелу и ответила:

“Да! — дай мне только одно испытание!”

Прежде чем архангел успел ответить, самый дальний центр неба раскололся, как от удара грома; и божественный вестник закрыл лицо руками, и голос, низкий, приятный и кроткий, с сознанием неоспоримой силы, возвестил сетующей звезде:

“Пришло время, когда ты можешь исполнить свое желание. Под тобой, на этой пустынной равнине, сидит смертный, мрачный, как ты сам, который, родившись под твоим влиянием, может быть сформирован по твоей воле”.

Голос смолк, как голос из сна. Тишина воцарилась над морями космоса, и архангел, вновь вознесенный ввысь, медленно воспарил в дальние небеса, чтобы возвестить божественное повеление звездам далеких миров.

Но душа недовольной звезды ликовала внутри себя; и она сказала: “Я призову короля из долины пастухов, который растопчет королей, подвластных моим братьям, и сделает дело презренной звезды более славным, чем дела приспешников ее любимых братьев; так я отомщу за пренебрежение — так я докажу впоследствии свои права на наследие великих земли!”

В то время, хотя мир развивался веками и паломничество человека проходило через различные состояния существования, которые не сохранились в наших смутных традиционных знаниях, все же состояние нашей расы в северном полушарии было таким, какое *мы*, в наших несовершенных знаниях, считаем одним из самых ранних.

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ РЕЛИГИИ.

У грубой и огромной груды камней, забытых в кладке искусств, одинокий человек сидел в полночь, глядя в небеса. На земле только что прошел шторм — тучи рассеялись, и высокие звезды смотрели вниз на быстрые воды Рейна; и вокруг разрушенного здания не было слышно ни звука, кроме рева волн и капель дождя с могучих деревьев; белые овцы лежали разбросанными по равнине и дремали вместе с ними. Он сидел, присматривая за стадом, чтобы враги из соседнего племени не захватили их врасплох, и так рассуждал сам с собой:

“Король восседает на своем троне, и его чтит раса воинов, и воин ликует от завоеванных трофеев; шаг охотника дерзок на вершине горы, и его имя поют ночью у сосновых костров уста барда; и сам бард пользуется почетом в граде. Но я, кто не принадлежу к расе королей, и чьи конечности не могут подчиняться упоению войны, ни забираться в орлиные гнезда и в логова быстрого оленя; чья рука не может играть на струнах арфы, и чей голос резок в песне; *у меня* нет ни чести, ни повелевания, и люди не склоняют головы, когда я прохожу мимо; и все же я чувствую внутри себя сознание великой силы, которая должна управлять моим видом, а не подчиняться. Мой взор проникает в тайные сердца людей — я вижу их мысли прежде, чем их

произносят уста; и я презираю, пока вижу, слабости и пороки, которых никогда не разделял. Я смеюсь над безумием воина — в душе я насмехаюсь над тиранией королей. Несомненно, в природе человека есть что-то более подходящее для того, чтобы повелевать, более достойное отречения, чем сухожилия рук, или быстрота ног, или случайность рождения!”

Пока Морвен, сын Осслаха, размышлял про себя таким образом, все еще глядя в небеса, одинокий человек увидел звезду, внезапно снявшуюся со своего места и пронесшуюся по безмолвному воздуху, пока она так же внезапно не остановилась прямо над полуночной рекой, лицом к лицу с обитателем груды камней.

Пока он смотрел на звезду, странные мысли медленно овладевали им. Он как бы впитывал в себя ее торжественный вид, дух великого замысла. Темное облако, быстро пролетевшее над землей, скрыло звезду из виду, но оставило его пробудившемуся разуму те мысли и смутный план, которые пришли ему в голову, пока он смотрел.

Когда взошло солнце, один из его братьев освободил его от присмотра за стадом, и он ушел, но не в дом своего отца. В задумчивости он углубился в темные безлистные дебри зимнего леса и из своих диких мыслей более осязаемо и четко вырисовал очертания своей дерзкой надежды.

Погруженный в свои мысли, он услышал сильный шум в лесу и, опасаясь, как бы враждебное племя альрихов не прошло той дорогой, взобрался на одну из самых высоких сосен, под вечной зеленью которой зима не лишила его убежища, которого он искал, и, укрывшись за ее ветвями, с тревогой посмотрел в ту сторону, откуда доносился шум.

И ОНО пришло — оно пришло с топотом и треском, с сокрушительной поступью по сломанным веткам и спутанным листьям, устилавшим землю, — оно пришло — оно пришло, чудовище, которого больше нет в мире, — могучий северный мамонт!

Оно медленно продвигалось вперед, обладая огромной силой, и его горящие глаза сверкали в сумрачной тени; его челюсти, раскрывшись, обнажали точильные станки, которыми оно разламывало молодые дубы в лесу; и огромные бивни, которые, загибаясь книзу к середине его массивных конечностей, блестели белизной и ужасом, отчего кровь того, кому суждено было в будущем стать ужасным правителем людей той далекой эпохи.

Яростные глаза чудовища впились в фигуру пастуха даже в густой темноте соснового бора. Оно остановилось — оно свирепо уставилось на него — его пасть открылась, и низкий глубокий звук, похожий на надвигающийся гром, показался сыну Осслаха звоном над страшной могилой. Но, посмотрев на него несколько мгновений, оно снова спокойно продолжило свой ужасный путь, ломая на ходу сучья, пока последний звук его тяжелой поступи не затих у него над ухом.

Однако еще до того, как Морвен набрался храбрости спуститься с дерева, он увидел сверкание оружия сквозь голые ветви леса, и вскоре в поле зрения показалась маленькая рука враждебно настроенного Альрича. Он был совершенно скрыт от них; и, прислушиваясь, когда они проходили мимо него, он услышал, как один сказал другому:

“Ночь покрывает все сущее; зачем нападать на них днем?”

И тот, кто казался главарем отряда, ответил: “Правильно. Сегодня ночью, когда они будут спать в своем городе, мы нападём на них. Вот! они обольются вином и падут, как овцы, в наши руки”.

“Но где же, о вождь, ” спросила треть отряда, “ спрячутся наши люди днем?” потому что среди молодежи племени страусов много охотников, и они могут застать нас врасплох в лесу и вооружить свой народ против нашего появления.

“Я подготовился к этому”, - ответил вождь. “Разве темная пещера Одерлина не рядом? Разве это не укроет нас от глаз жертв?”

Затем мужчины рассмеялись и, крича, пошли своей дорогой в глубь леса.

Когда они ушли, Морвен осторожно спустился и, свернув на широкую тропу, поспешил в долину, лежавшую между лесом и рекой, в которой находился город, где жил вождь его страны.

Когда он проходил мимо воинственных людей, великанов того времени, которые толпились на улицах (если их можно было назвать улицами), их полуодетые одежды открывали огромные конечности, за спинами были колчаны, а в руках охотничьи копья, они смеялись, кричали и, указывая на него, восклицали:

“ Морвен, женщина! Морвен, калека! кто ты среди мужчин?

Ибо сын Оссла был мал ростом и слаб силой, и поступь его замедлилась с самого рождения; но он прошел сквозь воинов, не обращая внимания.

На окраине города он наткнулся на свалку, в которой одиноко жили несколько стариков и давали советы королю, когда наступали опасные времена или когда неурожай, голод или засуха приводили правителя в замешательство и омрачали свирепые ряды его воинственного племени.

Они давали советы, основанные на опыте, а когда опыт не помогал, они, в своем верующем невежестве, черпали заверения и предзнаменования в небесных ветрах, сменах луны и полетах перелетных птиц. Наполненные (голосами стихий и разнообразием тайн, которые постоянно сменяют друг друга на лице вещей, неразгаданные непрестанным удивлением, страхом, который верит, и тем вечным рассуждением всего опыта, которое соотносит причины со следствиями) представлением о высших силах, *они подкрепляли свое невежество догадками, основанными на их суеверии*. Но пока еще они не знали ремесло и практикуется *недобровольное* заблуждение; они дрожали слишком много тайн, которые создали свою веру, стремиться к опровергают их. Они советовали так, как верили, и смелая мечта никогда не осмеливалась перечить людям, таким изможденным и поседевшим от старости, о том, чтобы управлять своими воинами и своими королями с помощью мудрости обмана.

Сын Осслаха бесстрашным шагом вошел в огромную кучу и приблизился к месту в верхнем конце зала, где старики заседали на совете.

“Как, низкопробный и малодушный! ” воскликнул старший из них, который в свое время был прославленным воином? - осмеливаешься ты входить без приглашения на тайные советы мудрецов? Разве ты не знаешь, скаттерлинг! что наказание - смерть?

“Убей меня, если хочешь, - ответила Морвен, - но послушай!

“Когда я сидел прошлой ночью в разрушенном дворце наших древних королей, ухаживая, как велел мне мой отец, за пасущимися поблизости овцами, чтобы свирепое племя Альриха

незамеченным не спустилось с гор на стадо, налетела темная буря; и когда буря утихла, и я посмотрел на небо, я увидел звезду, спускающуюся со своей высоты ко мне, и голос со звезды сказал: "Сын Оссла, оставь свое стадо и ищи совета мудрецов, и скажи им, чтобы они приняли тебя как одного из своих". их количество, иначе это внезапное уничтожение приведет к ним самим и к их близким.

Но у меня хватило смелости ответить голосу, и я сказал: 'Не смейся над бедным сыном пастуха. Смотри, они убьют меня, если я произнесу столь опрометчивое слово, ибо я беден и не представляю ценности в глазах племени Страусов, а только великие в делах и седые в волосах заседают в совете мудрецов".

Тогда голос сказал: 'Исполни мое приказание, и я дам тебе знак, что ты производишь от сил, которые управляют временами года и плывут на орлах ветров. Скажи мудрецам, что этой же ночью, если они откажутся принять тебя из своего отряда, зло падет на них, и завтрашний день озарится кровью".

"Затем голос смолк, и облако закрыло звезду; и я поговорил сам с собой и пришел к вам, о ужасные отцы, скорбный. Ибо я боялся, что вы поразите меня за мой дерзкий язык и что вы приговорите меня к смерти за то, что я просил того, чего едва ли можно дать даже сыновьям королей".

Тогда мрачные старейшины посмотрели друг на друга и сильно удивились, не зная, что ответить сыну пастуха.

Наконец один из мудрецов сказал: "Несомненно, в сыне Оссла должна быть истина, ибо он не посмел бы исказить великие небесные огни. Если бы он передал людям слова звезды, воистину, мы могли бы усомниться в истине. Но кто отважится на месть богов ночи?"

Тогда старейшины одобрительно покачали головами, но один ответил и сказал:

" Должны ли мы считать сына пастуха равным себе? Нет!

Человека, который так ответил, звали Дарван, и его слова понравились старейшинам.

Но Морвен заговорила сама:

"Истинно так, о советники царей! Я не претендую на то, чтобы быть равным вам. Достаточно, если я присмотрю за воротами твоего дворца и буду служить тебе так, как может служить сын Оссла, - и с этими словами он смиренно склонил голову.

Тогда сказал главный из старейшин, ибо он был мудрее других: "Но как ты избавишь нас от грядущего зла? Несомненно, звезда сообщила тебе об услуге, которую ты можешь оказать нам, если мы возьмем тебя в наш дворец, а также о бедах, которые постигнут нас, если мы откажемся.

Морвен кротко ответила: "Конечно, если ты примешь своего слугу, звезда научит его тому, что может вознаградить тебя; но пока он знает только то, что сам произнес".

Тогда мудрецы велели ему удалиться, и они поговорили сами с собой, и у них были большие разногласия; но хотя они были свирепыми людьми и отважились услышать боевой клич врага-

человека, они содрогнулись от пророчества звезды. Поэтому они решили взять сына Оссла и оставить его охранять ворота зала совета.

Он услышал их приказ, покачал головой, подошел к воротам и молча сел у них.

И солнце село на западе, и первые признаки сумерек начали забрезжить, когда Морвен дернулся вперед на своем сиденье, и, казалось, дрожь охватила его конечности. На губах у него выступила пена; им овладели агония и страх; он корчился, как человек, которого вражеское копье нанесло смертельную рану, и внезапно упал ничком на каменистую землю.

Старейшины подошли к нему; удивленные, они подняли его. Он медленно приходил в себя, как после обморока; его глаза дико закатились.

- Разве ты не слышал голоса звезды? - спросил он.

И главный из старейшин ответил: "Нет, мы не слышали никакого звука".

Затем Морвен тяжело вздохнула.

"Мне было дано только слово. Немедленно призовите, о советники короля! созови вооруженных людей и всю молодежь племени, и пусть они возьмут меч и копье и следуют за твоим слугой. Ибо вот! звезда возвестила ему, что враг попадет в наши руки, как дикий зверь в лесах.

Сын Оссла заговорил повелительным тоном, и старейшины были поражены.

"Почему вы остановились?" - воскликнул он. "Лгут ли боги ночи? На мою голову падет опасность, если я обману вас".

Тогда старейшины совещались вместе; и они вышли и созвали воинов и всю молодежь племени; и каждый мужчина взял меч и копье, и Морвен тоже. И сын Оссла пошел первым, все еще глядя на звезду; и он жестом велел им замолчать и двигаться крадучись.

И они пошли через самую чащу леса, пока не пришли ко входу в большую пещеру, заросшую старыми и спутанными деревьями, и называлась она пещера Одерлина; и он приказал вождям расставить вооруженных людей по обе стороны пещеры, справа и слева, среди кустарников.

Так они молча наблюдали, пока не сгустилась ночь, когда услышали шум в пещере и топот ног, и вперед вышел вооруженный человек; и копье Морвен пронзило его, и он упал замертво у входа в пещеру. Еще и еще, и оба упали! Затем громко и протяжно прозвучал боевой клич Альриха, и вперед хлынула, как ручей по узкому руслу, река вооруженных людей.

И напали на них сыновья Страуса, и враг был сильно озадачен и напуган внезапностью битвы и ночной тьмой; и произошла великая резня.

И когда наступило утро, дети Страуса сосчитали убитых и нашли среди них вождя Альриха и главных людей племени, и велика была радость от этого.

Итак, они с триумфом вернулись в город, взвалили храброго сына Оссла на плечи и прокричали: "Слава слуге звезды".

И Морвен жила в совете мудрецов.

У царя племени была одна дочь, и она была самой статной среди женщин племени и красивой на вид. И Морвен смотрел на нее глазами, полными любви, но не осмеливался заговорить.

Теперь сын Осслаха втайне смеялся над глупостью людей; он не любил их, потому что они насмехались над ним; он не почитал их, потому что он ослепил мудрейшего из их старейшин.

Он избегал их пиров и веселья и жил обособленно и уединенно.

Суровый образ его жизни усилил таинственное почтение, которое снискало ему общение со звездами, и храбрейший из воинов склонял голову перед любимцем богов.

Однажды он бродил по берегу реки и увидел, как большая хищная птица поднялась с земли и погналась за ястребом, который еще не набрал полную силу своих крыльев. С юности одинокий Морвен любил наблюдать в больших лесах и на берегах могучего ручья за повадками существ, которые природа передала человеку; и, глядя сейчас на птиц, он сказал себе: “Так бывает всегда; хитростью или силой каждое существо желает подчинить себе подобных”.

Во время этих нравоучений большая птица сбила ястреба, и тот, перепуганный и тяжело дышащий, упал к его ногам.

Морвен взял ястреба в руки, и стервятник закричал над ним, кружа все ближе и ближе к своей защищенной добыче; но Морвен спугнул стервятника и, положив ястреба себе на грудь, отнес его домой, и заботливо ухаживал за ним, и кормил с руки, пока тот не набрался сил; и ястреб узнал его и последовал за ним, как собака.

И Морвен сказал, улыбаясь про себя: “Смотри, *легковерные глупцы вокруг меня верят в полет и движения птиц*. Я научу этого бедного ястреба служить моим целям”.

Поэтому он приручил птицу и обучал ее в соответствии с ее природой; но он тщательно скрывал это от других и лелеял в тайне.

Король той страны был стар и близок к смерти, и взоры всего племени были обращены к двум его сыновьям, и они не знали, кто из них более достоин царствовать.

И Морвен, проходя однажды вечером через лес, увидела младшего из них, который был великим охотником, скорбно сидящего под дубом и задумчиво смотрящего в землю.

“О чем задумался ты, о быстроногий господин?” - спросил сын Оссла. - “И отчего ты печален?”

- Ты не можешь помочь мне, - сурово ответил принц. - ступай своей дорогой.

“Нет, - ответила Морвен, - ты не знаешь, что говоришь; разве я не любимица звезд?”

“Прочь, я не седобородый человек, которого приближение смерти делает безумцем: не говори мне о звездах; Я знаю только то, что видит мой глаз и впитывает мое ухо”.

“Тише, ” торжественно сказал Морвен, закрыв лицо руками. “ Тише! чтобы небеса не отомстили за твою опрометчивость. Но, смотри, звезды дали мне возможность проникать в тайны сердец других; и я могу рассказать тебе о твоих мыслях”.

“Говори, низкопробный!”

“Ты младший из двоих, и твое имя менее известно на войне, чем имя твоего брата; но хотел бы ты быть поставленным над его головой и сидеть на высоком троне твоего отца?”

Молодой человек побледнел.

- В устах твоих звучит правда, - сказал он дрогнувшим голосом.

“Не от меня, а со звезд нисходит истина”.

“Могут ли звезды исполнить мое желание?”

“Они могут; давай встретимся завтра. Сказав это, Морвен скрылась в лесу.

На следующий день, в полдень, они встретились снова.

- Я посоветовался с богами ночи, и они дали мне силу, о которой я молился, но при одном условии.

- Назови это.

“Чтобы ты принес свою сестру в жертву на их алтарях, ты должен насыпать кучу камней, и отвести свою сестру в лес, и положить ее на кучу, и вонзить свой меч ей в сердце; только так ты сможешь царствовать”.

Принц вздрогнул, вскочил на ноги и погрозил копьем бледной Морвен.

“Трепещи”, - сказал сын Оссла громким голосом. “Воззови к богам, которые угрожают тебе смертью, что ты осмелился поднять руку на их слугу!”

Пока он говорил, наверху прогремел гром, потому что вот-вот должна была разразиться одна из частых бурь начала лета.

Копье выпало из рук принца; он сел и опустил глаза в землю.

“Готов ли ты исполнить волю звезд и царствовать?” спросила Морвен.

- Я сделаю это! - воскликнул сэр Рор с отчаянием в голосе.

“Тогда сегодня вечером, когда сядет солнце, ты приведешь ее сюда одну; я не смогу сопровождать тебя. А теперь давайте сложим камни в кучу.

Молча охотник вложил всю свою огромную силу в обломки скалы, на которые указала ему Морвен, и они соорудили алтарь и пошли своей дорогой.

И прекрасно умирание великой суммы, когда последняя песня птиц затихает в тишине; когда островки облаков купаются в свете, и первая звезда восходит над могилой дня.

“Куда ведут тебя мои стопы, брат мой?” спросила Джина. “и почему у тебя дрожат губы? и почему ты запятнал свое лицо?”

- Разве лес не прекрасен; разве он не соблазняет нас, сестра моя?

“И для чего сложены эти груды камней?”

“Пусть другие отвечают; я их не складывал”.

“Ты, трепещущий брат, мы вернемся”.

- Нет, под этими камнями лежит птица, которую сегодня пронзила моя стрела; птица с прекрасным оперением, которую я убил для тебя.

“Мы у кучи: куда ты положил птицу?”

“Сюда!” - воскликнул сэр Рор; и он схватил девушку в объятия и, бросив ее на грубый алтарь, выхватил свой меч, чтобы поразить ее в сердце.

Прямо над камнями возвышался гигантский дуб, поросль незапамятных времен; и из дуба, или с небес, раздался громкий и торжественный голос:

“Не бей, сын королей! звезды воздерживаются от своего: деву ты не убьешь; но ты будешь царствовать над расой Страусов; и ты отдашь Орну в жены любимице звезд. Встань и иди своей дорогой!”

Голос умолк: ужас перед Орной на время заглушил все источники жизни, и Сэр Рор на своих сильных руках понес ее домой через лес.

“Увы!” - сказал Морвен, когда на следующий день снова встретился с честолюбивым принцем. “Увы! звезды уготовили мне многое, чего не желает мое сердце; ибо я, одинокий в жизни и изуродованный, нечувствителен к огню любви; и всегда, как известно тебе и твоему племени, я избегал женских глаз, ибо девушки смеялись над моей нетвердой походкой и угрюмым выражением лица; и так в юности я научился загоя отгонять все мысли о любви. Но поскольку они сказали мне (как они заявили тебе), что только через этот брак ты, о возлюбленный принц! не могу получить корону с плюмажем твоего толстяка, я подчиняюсь их воле”.

“Но, - сказал принц, - пока я не стану королем, я не смогу отдать тебе в жены свою сестру; ибо ты знаешь, что мой отец поверг бы меня в прах, если бы я попросил его отдать цвет нашей расы сыну пастуха Осслаха”.

“Ты говоришь слова истины. Иди домой и не бойся: но, когда ты станешь королем, жертва должна быть принесена, и Орна моя. Увы! как я могу осмелиться поднять на нее глаза! Но так велят ужасные короли ночи!— Кто откажется от их слова?”

“В тот день, когда я стану королем, Орна станет твоей”, - ответил принц.

Морвен вышел, по своему обыкновению, один; и он сказал себе: “Король стар, но пусть он проживет долго между мной и моей надеждой!” и он начал прикидывать в уме, как бы ему сократить время.

Поглощенный этим, он бродил, не обращая внимания, что наступила ночь, и он сбился с пути в густом лесу и не знал, как вернуться домой; поэтому он тихо прилег под деревом и отдыхал до рассвета.

Затем им овладел голод, и он стал искать в кустах такие простые корешки, как те, которыми, поскольку он всегда был небрежен к пище, он привык утолять жажду природы.

Среди других более знакомых трав и кореньев он нашел красную ягоду сладковатого вкуса, которого никогда раньше не замечал. Он съел немного и не успел далеко углубиться в лес, как почувствовал, что у него заплыли глаза и им овладела смертельная болезнь. Несколько часов он лежал в конвульсиях на земле, ожидая смерти; но изможденность его тела и постоянное воздержание взяли верх над ядом, и он выздоравливал медленно и после сильных мучений; но он слабыми шагами вернулся к тому месту, где росли ягоды, сорвал несколько штук, спрятал их за пазуху и к ночи вернулся в город.

На следующий день он отправился к стадам своего отца и, схватив ягненка, засунул ему в желудок несколько ягод, и ягненок, вырвавшись, убежал и упал замертво. Тогда Морвен взял еще немного ягод и сварил их, и смешал сок с вином, и он тайно отдал вино одному из слуг своего отца, и слуга умер.

Тогда Морвен отправился к королю и, оказавшись с ним наедине, спросил его: “Как поживает мой господин?”

Король сидел на ложе, сделанном из волчьих шкур, и глаз его был стеклянным и тусклым; но широки были его старческие конечности и огромен был его рост, и он был на голову выше детей человеческих, и никто из живущих не мог натянуть лук, который он натягивал в юности. Серый, изможденный и изношенный, как могучие кости, которые время от времени выкапывают из недр земли — пережиток былой силы.

И король сказал еле слышно, с жутким смехом:

“Мужчинам моих лет приходится плохо. На что мне сила? Лучше бы я родился калекой, как ты, тогда мне не о чем было бы горевать в старости”.

Красная вспышка пробежала по лбу Морвена; но он смиренно склонился —

“О царь, что, если бы я мог вернуть тебе молодость? Что, если бы я мог вернуть тебе силу, которая выделяла тебя среди сынов человеческих, когда воины Альриха падали, как трава, перед твоим мечом?”

Тогда король поднял свои тусклые глаза и сказал:

Что ты имеешь в виду, сын Оссла? Конечно, я много слышал о твоей великой мудрости и о том, как ты каждую ночь разговариваешь со звездами. Могут ли боги ночи открыть тебе секрет, как сделать стариков молодыми?”

“Не искушай их сомнениями”, - благоговейно сказала Морвен. “Все возможно правителям темного часа; и, о чудо! звезда, любящая твоего слугу, заговорила с ним глубокой ночью и сказала: “Встань и иди к королю; и скажи ему, что звезды чтят племя Страуса и помнят, как король направил свой лук против Сыновей Альриха; а потому загляни под камень, который лежит справа от твоего жилища, даже рядом с сосной, и ты увидишь глиняный сосуд, а в сосуде ты найдешь сладкую жидкость, которая заставит короля, твоего господина, навсегда забыть о своем возрасте”.

“Поэтому, мой господин, когда взошло утро, я вышел и заглянул под камень, и вот глиняный сосуд; и я принес его сюда моему господину, царю”.

“Скорее— рабыня— скорее! чтобы я мог напиться и вернуть себе молодость!”

“Нет, послушай, о король! дальше звезда сказала мне:

“Только ночью, когда звезды имеют силу, этот их дар пригодится; а потому король должен дожидаться полуночной тишины, когда луна будет высоко, и тогда он может смешать жидкость со своим вином.

“И он никому не должен открывать, что получил дар из рук слуги звезд. Ибо они делают свою работу втайне, когда люди спят; поэтому они не любят болтовню чужих уст, и тот, кто раскроет их преимущества, несомненно, умрет”.

“Не бойся, — сказал король, хватая сосуд, — никто не узнает; и вот, я встану завтра; и двое моих сыновей будут бороться за мою корону - воистину, я буду моложе их!”

Тогда король громко рассмеялся; и он едва поблагодарил слугу звезд, и не пообещал ему награды: ибо короли в те дни мало думали — только о себе.

И Морвен сказала ему: “Разве я не должна сопровождать моего господина? потому что без меня, возможно, лекарство не подействует.

“Да, - сказал король, - отдохни здесь”.

“Нет, ” ответила Морвен, “ твои слуги будут поражены и много болтать, если увидят сына Осслаха, пребывающего в твоём дворце. Так, возможно, навлекли бы на себя неудовольствие богов ночи. Позволь, чтобы меньшая дверь дворца была не заперта, чтобы в ночной час, когда луна находится на полпути в небесах, я мог незаметно проникнуть в твои покои и смешать жидкость с твоим вином”.

“Да будет так”, - сказал король. “Ты мудр, хотя твои конечности скрючены; и звезды могли бы выбрать человека повыше”.

Тогда король снова рассмеялся; и Морвен тоже рассмеялась, но в веселье сына Осслаха была опасность.

Ночь уже клонилась к закату, и обитатели Страуса погрузились в глубокий сон, когда - слушайте! на улицах раздался резкий голос, кричавший: “Горе, горе! Пробудитесь, сыны страуса, горе!”

Затем вперед, с дикими — изможденными—встревоженными—копьями в руках, ринулись великаны-сыновья сурового племени, и они увидели человека на возвышенности посреди города, кричащего: “Горе!” - и это был Морвен, сын Оссла!

И он сказал им, когда они собрались вокруг него: “Мужчины и воины, трепещите, когда слышите.

“Звезда запада заговорила со мной, и так говорит звезда:

“Зло падет на королевский дом Страуса — да, еще до того, как рассветет; а потому выходи в скорби на улицы и пробуждай горе среди жителей!”

- Итак, я поднялся и исполнил повеление звезды.

И пока Морвен еще говорила, к толпе подбежал слуга королевского дома, громко крича:

“Король мертв!”

Итак, они вошли во дворец и нашли короля старка на его ложе, и все его огромные конечности были сведены судорогой и искалечены предсмертными муками, а руки сжаты, словно в угрозе врагу — врагу всей живой плоти!

Тогда страх охватил смотрящих, и они посмотрели на Морвена с более глубоким благоговением, чем вызвал бы самый смелый воин: и они понесли его обратно в зал совета мудрецов, стеноя и бряцая руками в горе, и крича то и дело:

“Честь Морвен, пророку!”

И это был первый раз, когда слово "ПРОРОК" было использовано в этих странах.

В полдень, на третий день после смерти короля, Сэрор разыскал Морвена и сказал:

“Вот, моего отца больше нет, и народ собирается этим вечером на закате, чтобы избрать его преемника, и воины и юноши, несомненно, выберут моего брата, ибо он более известен на войне. Поэтому не подведи меня”.

- Успокойся, мальчик! - сурово сказала Морвен. - и не смей сомневаться в правоте богов ночи.

Ибо Морвен теперь начал злоупотреблять своей властью среди людей и говорить так, как говорят правители, даже с сыновьями королей.

И этот голос заставил замолчать вспыльчивого сэра, да и отвечать он не осмеливался.

— Смотри, — сказала Морвен, беря венок с разноцветными перьями, - надень это себе на голову и сделай храброе лицо - ибо народ полон надежды - и отправляйся со своим братом туда, где будет избран новый король, а остальное предоставь звездам.

- Но, прежде всего, не забывай об этом венке; он был благословлен богами ночи.

Принц взял венок и вернулся домой.

Наступил вечер, и воины и вожди племени собрались на месте, где должны были избрать нового короля.

И голоса многих отдавали предпочтение принцу Волтоху, брату Сирора, ибо он сразил своим копьем двенадцать врагов; и, поистине, в те дни это было великой добродетелью короля.

Внезапно на улицах раздался крик, и люди закричали:

“Дорогу Морвен, пророку, пророку!”

Ибо народ относился к сыну Оссла с еще большим уважением, чем вожди.

Теперь, с тех пор как Морвен приобрел известность, он принял величественный вид, которого сын пастуха не знал в прежние дни; и хотя он был невысок ростом и нескладен, все же лицо его было серьезным и возвышенным.

Единственный в племени он носил одежду, которая касалась земли, голова его была непокрыта, длинные черные волосы спускались до пояса, и в его спокойном облике редко можно было увидеть перемены или человеческие страсти.

Он не пировал, не пил вина и редко появлялся на улицах.

Он не смеялся, да и вообще не улыбался, разве что когда был один в лесу — и тогда он смеялся над безрассудствами своего племени.

Поэтому он медленно шел сквозь толпу, не сворачивая ни влево, ни вправо, когда толпа расступалась; и он поддерживал свои шаги посохом из сучковатой сосны.

И когда он подошел к месту, где собирались вожди, и два принца встали в центре, он приказал окружающим его людям соблюдать тишину.

Затем, взобравшись на огромный обломок скалы, он обратился к толпе с такими словами:

“Принцы, распутники и барды! вы, о совет мудрецов! и вы, о лесные охотники и ловцы рыбы в ручьях! слушайте Морвена, сына Осслаха.

“Вы знаете, что я низок по происхождению и слаб телом; но разве я не отдал в ваши руки племя Альриха, и разве вы не перебили их глубокой ночью великой резней?

- Конечно, вы должны знать, что такого о себе не говорил сын пастуха; конечно, он был всего лишь представителем светлых богов, которые любят детей Страусов.

“ Три ночи назад, когда на земле царил сон, разве мой голос не был слышен на улицах?

“ Разве я не возвестил горе царственному дому Страусов? и воистину, темная рука легла на грудь могущественного, которого больше нет.

- Могло ли мне это присниться просто во сне, или я не был голосом светлых богов, которые наблюдают за племенами Страусов?

“А потому, о люди и вожди! не презирай сына Осслаха, но прислушайся к его словам, ибо разве они не мудрость звезд?

“Вот, прошлой ночью я сидел один в долине, и деревья вокруг были тихими, и ни одно дыхание не шелохнулось; и я посмотрел на звезду, которая дает советы сыну Осслаха; и я сказал:

“Ужасный покоритель облаков! ты, что омываешь свою красоту в ручьях и пронзаешь сосновые ветви своим присутствием; смотри, твой слуга опечален, потому что могущественный ушел, и множество врагов окружают дома моих братьев; и хорошо, что у них есть король, доблестный и преуспевающий в войне, любимец звезд.

“А потому, о звезда! поскольку ты отдал в наши руки воинов Альриха и предупредил нас о падении дуба нашего племени, а потому, я молю тебя, дай людям знак, чтобы они могли выбрать того короля, которого предпочитают боги ночи!

Затем низкий голос, более приятный, чем музыка барда, нарушил тишину.

“Твоя любовь к своему роду благодарна ночным звездам: иди же, сын Оссла, и найди собрание вождей и народа, чтобы выбрать короля, и скажи им, чтобы они не презирали тебя за то, что ты медлителен в погоне и мало известен на войне; ибо звезды дают тебе мудрость в награду за все.

“Скажи людям, что, как мудрецы совета формируют свои уроки по полету птиц, так и по полету птичьего стада им будет дан знак, и они выберут своих королей.

“Ибо, - сказала звезда справедливости, - птицы - дети ветров, они летают взад и вперед по воздушному океану и посещают облака, которые являются боевыми кораблями богов.

“И их музыка - всего лишь обрывки мелодий, которые они извлекают из арф наверху.

“Разве они не вестники бури?

“Когда ручей бьется о берег и льет дождь, разве вы не знаете по крику птиц и их низким кругам над землей, что буря близка?

“А потому мудро полагаете вы, что дети воздуха являются подходящими переводчиками между сынами человеческими и владыками верхнего мира.

“Скажи тогда народу и вождям, чтобы они взяли из числа голубей, гнездящихся на крыше дворца, белого голубя и выпустили его в воздух, и, воистину, боги ночи сочтут голубя молитвой, исходящей от народа, и пошлют гонца исполнить молитву и дать племенам Страуса короля, достойного их самих”.

- С этими словами звезда больше ничего не сказала.

Тогда друзья Волтоха перешептались между собой и сказали: “Неужели этот человек будет диктовать нам, кто будет королем?”

Но народ и воины закричали:

“Прислушайся к звезде; разве мы не даем или не отказываем в битве в зависимости от полета птицы — разве мы не должны по тому же принципу выбрать того, кто должен вести битву?”

И это казалось им естественным, ибо таков был обычай племени.

Затем они взяли одного из голубей, которые гнездились на крыше дворца, и пригнали его к тому месту, где стоял Морвен, и он, глядя на звезды и что-то бормоча себе под нос, выпустил птицу.

Недалеко от того места была рощица, и когда голубь поднялся в воздух, ястреб внезапно поднялся из рощи и погнался за голубем; и голубь был напуган и парил, кружа высоко над толпой, когда, о чудо, ястреб, на мгновение приподнявшись на крыльях, внезапно спикировал и, бросив свою добычу, сел на украшенную перьями голову Сирора.

“Узрите, - громко воскликнула Морвен, - узрите вашего короля!”

“Да здравствует король!” - закричал народ. “Да здравствует избранный звездами!”

Затем Морвен поднял правую руку, и ястреб покинул принца и сел Морвену на плечо.

“Птица богов!” сказал он благоговейно. “Нет ли у тебя тайного послания для моих ушей? Тогда ястреб приложил клюв к уху Морвен, и Морвен покорно склонил голову; и с этого момента ястреб остался с Морвен и его уже никто не спугнет.

И Морвен сказала:

“Звезды послали мне эту птицу, чтобы днем, когда я их не вижу, мы никогда не оставались без советника в беде”.

Так Сирор стал королем, и Мавен, сын Оссла, был принужден волей короля взять Орну в жены; и народ и вожди чтили Морвен, пророка, превыше всех старейшин племени.

Однажды Морвен сказал себе, размышляя: “Разве я уже не равен королю? нет, разве король не мой слуга? разве я не поставил его выше голов его братьев? не подхожу ли я, следовательно, для царствования больше, чем он? не столкну ли я его с его трона?”

“Это хлопотная и бурная должность - править дикарями Страуса, пировать в переполненном граде и вести воинов на битву.

- Конечно, если бы я не пировал и не ходил на войну, они могли бы сказать: “Это не король, а калека Морвен”; и кто-нибудь из племени Сирра мог бы тайно убить меня.

- Но разве я не могу быть намного выше королей и продолжать выбирать их и управлять ими, живя, как сейчас, в свое удовольствие?

-Воистину, звезды подарят мне новый дворец и множество подданных.

Среди мудрецов был Дарван; и Морвен боялась его, ибо его взгляд часто следил за передвижениями сына Осслаха.

И Морвен сказала: “Лучше довериться этому человеку, чем ОСЛЕПНУТЬ, потому что мне, конечно, нужен помощник и друг”.

Поэтому он сказал мудрецу, когда тот сидел в одиночестве и смотрел на заходящее солнце:

“Мне кажется, о Дарван! Я думаю, что мы должны построить великое сооружение в честь звезд, и это сооружение должно быть более величественным, чем все дворцы вождей и дворцы короля; ибо разве звезды не являются нашими хозяевами?”

- И мы с тобой были бы главными обитателями этого нового дворца, и мы служили бы богам ночи, и откармливали бы их алтари отборнейшими животными из стада и свежайшими плодами земли.

И Дарван сказал:

“Ты говоришь так, как подобает слуге звезд. Но помогут ли люди построить эту кучу, потому что они воинственная раса и не любят тяжелого труда?”

И Морвен ответила:

“Несомненно, звезды укажут, какая работа должна быть выполнена. Не бойся.

“По правде говоря, ты удивительный человек, твои слова всегда сбываются”, - ответил Дарван. - “И я хотел бы, чтобы ты научил меня, друг, языку звезд”.

“Несомненно, если ты будешь служить мне, то узнаешь”, - ответила гордая Морвен; и Дарван втайне разгневался, что сын пастуха должен командовать службой старейшины и вождя.

И когда Морвен вернулся к своей жене, он нашел ее сильно плачущей.

Теперь она любила сына Осслаха безмерной любовью, ибо он не был таким диким и свирепым, как мужчины, которых она знала, и она гордилась его славой среди племени; и он обнял ее, поцеловал и спросил, почему она плачет.

Затем она рассказала ему, что ее брат, король, посетил ее и сказал горькие слова о Морвен.

“Он отнимает у меня любовь моего народа, - сказал Сэр Рор, - и ослепляет их ложью. И поскольку он сделал меня королем, что, если он отнимет у меня мое королевство? Поистине, новая сказка о звездах может отменить старую”.

И король приказал ей следить за секретностью Морвена и посмотреть, правду ли он говорит, когда хвастается своим общением с Силами Ночи.

Но Орна любила Морвен больше, чем Сиру, поэтому она все рассказала своему мужу.

И Морвен возмутилась неблагодарностью короля и была сильно встревожена, ибо король - могущественный враг; но тие утешил Орну и велел ей притворяться и пожаловаться на него ее брату, чтобы он мог довериться ей, ничего не подозревая, что бы он ни замышлял против Морвен.

Рядом с домом Морвена была пещера, в которой он держал священного ястреба и где тайно дрессировал других птиц на случай будущей нужды, и дверь в пещеру всегда была закрыта.

И однажды, когда он был так занят, он заметил щель в стене, которую никогда раньше не замечал, и в нее игриво заглянуло солнце; и пока он смотрел, он заметил, что солнечный луч потемнел, и вскоре он увидел человеческое лицо, заглядывающее в щель.

И Морвен задрожал, ибо знал, что за ним наблюдают.

Морвен поспешно выбежал из пещеры, но шпион исчез среди деревьев, и Морвен направился прямо в комнату Дарвана и сел.

Дарван вернулся домой поздно, и он вздрогнул и побледнел, когда увидел Морвен.

Но Морвен приветствовал его как брата и пригласил на пир, который он впервые намеревался устроить в полнолуние, в честь звезд.

И выйдя из покоев Дарвана, он вернулся к своей жене и велел ей причесаться и отправиться на рассвете к королю, ее брату, и горько пожаловаться на обращение Морвен, и вырвать черные замыслы из груди короля. “Ибо, несомненно, - сказал он, - Дарван солгал твоему брату, и меня ожидает какое-то зло, которое я хотел бы узнать”.

Итак, на следующее утро Орна отправилась к королю и сказала:

- Сын пастуха оскорбил меня и наговорил мне грубостей; неужели я не буду отомщен?

Тогда король затопал ногами и потряс своим могучим мечом.

“Несомненно, ты будешь отомщен, ибо я узнал от одного из старейшин то, что убеждает меня в том, что этот человек солгал народу, и нечестивец непременно умрет.

“Да, в первый раз, когда он отправится один в лес, мы с моим братом нападём на него и заберём насмерть”.

И с этим утешением сэр Рор отпустил Орну.

И Орна бросилась к ногам своего мужа.

“Лети же, о мой возлюбленный!— беги в леса подальше от моих братьев, или, несомненно, меч Сирра положит конец твоим дням”.

Тогда сын Осслаба сложил руки на груди и, казалось, погрузился в мрачные мысли; он не обращал внимания и на голос Орны, пока она снова и снова не стала умолять его бежать.

“ Летим! - сказал он наконец. “ Нет, я сомневался, какое наказание звезды должны обрушить на нашего врага. Пусть воины летят. Морвен, пророк, побеждает оружием, более могущественным, чем меч.

Тем не менее Морвен был сбит с толку и не знал, как спастись от мести короля.

И вот, пока Морвен предавался безнадежным размышлениям, он услышал рев воды; и вот река, ибо был уже конец осени, вышла из берегов и понеслась по долине к городским домам.

И вот мужчины племени, и женщины, и дети прибежали с воплями к дому Морвен, крича:

“Смотри, река обрушилась на нас!— Спаси нас, о повелитель звезд!”

Затем внезапная мысль посетила Морвена, и он решил рискнуть своей судьбой ради одного отчаянного плана.

И он вышел из дома спокойный и печальный, и сказал:

“Вы не знаете, о чем просите; я не могу спасти вас от этой опасности: вы сами навлекли ее на себя”.

И они воскликнули: “Как? О сын Оссла, мы не ведаем о нашем преступлении”.

И он ответил:

“Спускайся во дворец короля и жди перед ним, и я, конечно, последую за тобой, и ты узнаешь, за что ты навлек на себя это наказание богов”.

Затем толпа с шумом откатилась назад, как отступающее море; и когда она ушла с того места, Морвен пошел один в дом Дарвана, который был рядом с его собственным: и Дарван был сильно напуган, потому что он был уже в преклонном возрасте, у него не было ни детей, ни друзей, и он боялся, что сам не сможет выбраться из воды.

И Морвен сказала ему успокаивающе:

“Вот, народ любит меня, и я позабочусь, чтобы ты был спасен, ибо, воистину, ты был дружелюбен ко мне и оказал мне большую услугу у царя”.

И пока он так говорил, Морвен открыл дверь дома и выглянул наружу, и увидел, что они были совсем одни; тогда он схватил старика за горло и не ослаблял хватки, пока тот не умер совсем.

И, оставив тело старейшины на полу, Морвен выскользнула из дома и закрыла ворота.

И, направляясь к своей пещере, он немного поразмыслил, как вдруг, услышав могучий рев набегающих волн и далекие женские вопли, он поднял голову и гордо сказал:

“ Нет! в этот час моим рабом будет только ужас; я не воспользуюсь никаким искусством, кроме силы моей души.

Итак, опираясь на свой сосновый посох, он направился ко дворцу.

И был уже вечер, и многие мужчины держали факелы, чтобы они могли видеть лица друг друга во всеобщем страхе.

Красным вспыхнуло дрожащее пламя на темных одеждах и бледном переде Морвена; и он казался могущественнее остальных, потому что только его лицо было спокойно среди суматохи.

И все громче и хриплее становился рев вод; и быстрые тени ночи покрывал ржавчиной ускоряющийся прилив.

И Морвен сказала строгим голосом:

“Где король; и почему он отсутствует среди своего народа в час ужаса?”

Тогда отворились ворота дворца; и вот, Сирор сидит в зале у огромного соснового камина, и брат его рядом с ним, и вожди его вокруг него: ибо они не соизволили явиться в толпу по приказу сына пастуха.

Тогда Морвен, стоя на скале над головами людей (той самой стойке, на которой он провозгласил себя королем), произнес такие слова:

“Вы желали знать, о сыны Страуса! а потому река вышла из своих пределов, и опасность обрушилась на вас.

- Тогда узнай, что звезды считают тягчайшим из человеческих преступлений оскорбление, нанесенное их слугам и делегатам внизу.

“Вы все знаете образ жизни Морвена, которого вы прозвали Пророком!

- Он не причиняет вреда ни человеку, ни зверю; он живет один; и, вдали от диких радостей племени воинов, он с благоговением и страхом поклоняется Силам Ночи!

“Так он может предупредить вас о надвигающейся опасности, так он может спасти вас от врага. Так быстры ваши охотники и отважны ваши воины; и так ваш скот приносит потомство, а земля - плоды.

- Что вы думаете и что хотите услышать?

“Слушайте, страусы!—они расставили ловушки для моей жизни; и среди вас есть те, кто приставил меч к груди, которая полна только любви к вам.

“Поэтому суровые владыки небес ослабили цепи реки — поэтому это зло угрожает вам.

“И это не пройдет, пока те, кто роет яму для слуги звезд, не будут похоронены в ней”.

Затем в красном свете факелов лица людей стали свирепыми и угрожающими, и десять тысяч голосов закричали:

“Назови тех, кто замышлял покушение на твою жизнь, о святой пророк! и, несомненно, они будут разорваны на части”.

И Морвен отвернулся, и они увидели, что он горько плачет; и он сказал:

“Вы спросили меня, и я ответил: но теперь едва ли вы поверите врагу, которого я спровоцировал против себя; и самими небесами я клянусь, что если бы моя смерть утолила их ярость или навлекла на вас самих и детей ваших детей гнев звезд, восседающих на троне, я с радостью отдал бы свою грудь ножу. Да, - воскликнул он, возвысив голос, и указывая темной рукой в сторону зала, где король сидел у соснового камина, — да, ты, кого по моему голосу звезды выбрали выше твоего брата, да, сэр, виновный! возьми свой меч и иди сюда — ударь, если у тебя хватит духу ударить, Пророк Богов!

Король вскочил на ноги, и толпа погрузилась в гнетущее молчание.

Морвен продолжила:

“Знайте же, о жители Страуса, что Сирор и Вольтох, его брат, и Дарван, старший из мудрецов, вознамерились убить вашего пророка даже в тот час, когда он в одиночестве ищет тени леса, чтобы измыслить для вас новые блага. Пусть король отрицает это, если может!”

Затем Волтох, обладатель гигантских конечностей, вышел из зала, и его копье дрожало в руке.

“Правильно ты сказал, подлый сын пастуха моего отца! и за грехи твои ты непременно умрешь; ибо ты лжешь, когда говоришь о своей силе со звездами, и ты смеешься над глупостью тех, кто слышит тебя; а потому предай его смерти”.

Тогда вожди в зале взяли за оружие и бросились вперед, чтобы убить сына Оссла.

Но он, высоко простирая свои безоружные руки, воскликнул:

“Слушайте его, о ужасные существа ночи — слушайте, как он богохульствует”.

Тогда толпа подхватила это слово и закричала:

“Он богохульствует — он богохульствует против пророка!”

Но король и вожди, ненавидевшие Морвена из-за его власти над народом, бросились в толпу; и толпа была в нерешительности, не зная, как поступить, ибо никогда еще они не восставали против своих вождей, и они одинаково боялись пророка и короля.

И Сэр Рор воскликнул:

“Призови к нам Дарвана, ибо он следил за действиями Морвен, и он снимет пелену с глаз моего народа”.

Затем трое быстроногих направились к дому Дарвана.

И Морвен закричала громким голосом:

“ Слушайте! так говорит звезда, которая сейчас пролетает сквозь вон то облако и предстает моим глазам: ”За ложь, которую старейшина произнес против моего слуги, проклятие звезд падет на него”. Ищите, и как вы найдете его, так, возможно, вы когда—нибудь найдете врагов Морвен и богов”.

Холод и ледяной страх охватили толпу, и даже щеки Сиро побледнели; а Морвен, прямая и темная над колышущимися факелами, стояла неподвижно, скрестив руки на груди.

И слушайте — далеко и быстро приближались боевые кони волны - люди слышали, как они маршировали к суше и развевали свои белые гривы на ревущем ветру.

“ Вот, пока вы слушаете, ” спокойно сказала Морвен, “ река течет своим чередом. Поспешите, ибо у богов будет жертва, будь то твой пророк или твой царь”.

- Рабыня! - крикнул Сэрор, и копье выпало из его руки, и высоко над головами толпы рядом с темной фигурой Морвен с шипением пронеслось и раскололо ствол дуба позади.

Тогда люди, разгневанные опасностью, грозившей их любимому провидцу, издали дикий вопль и собрались вокруг него, размахивая мечами, лицом к лицу со своими вождями и своим королем.

Но в это мгновение, прежде чем между племенем разразилась война, вернулись три воина, и они понесли Дарвана на своих плечах, и положили его к ногам короля, и они сказали с трепетом:

“Так нашли мы старейшину в центре его собственного зала”.

И люди увидели, что Дарван был трупом, и что предсказание Морвен таким образом подтвердилось.

“Да погибнут враги Морвен и Звезд!” - воскликнул сын Оссла. И люди вторили этому крику.

Тогда ярость Сэрора достигла апогея, и, размахивая мечом над головой, он ринулся в толпу:

“Твоя кровь, низкопробный, или моя”.

“Да будет так!” - ответила Морвен, не дрогнув. “Люди, покарайте богохульника. Послушайте, как река льется на ваших детей и ваши очаги. Вперед, вперед, или вы погибнете!”

И Сирор пал, пронзенный пятью сотнями копий.

“Бей! бей!” - закричала Морвен, когда вожди королевского дома собрались вокруг короля.

И звон мечей, и блеск копий, и крики умирающих, и вопли топчущихся людей смешивались с ревом стихии и голосами набегающей волны.

Триста вождей погибли в ту ночь от мечей своего собственного племени. И последним криком победителей было: *“Морвен —пророк- МОРВЕН -КОРОЛЬ!”*

И сын Оссла, увидев, что волны теперь разливаются по долине, повел Орну, свою жену, и мужчин Страуса, их женщин и детей на высокую гору, где они ждали восхода солнца.

Но Орна сидела в стороне и горько плакала, потому что ее братьев больше не было, и ее род исчез с лица земли.

И Морвен тщетно пыталась утешить ее.

Когда наступило утро, они увидели, что река разлилась по большей части города и теперь текла по ложбинам долины.

Тогда Морвен сказала народу: *“Звездные короли отомщены, и их гнев утолен. Оставайся здесь только до тех пор, пока вода не растает в трещинах почвы.*

И на четвертый день они вернулись в город, и ни один человек не осмелился назвать королем другого, кроме Морвена.

Но Морвен удалился в свою пещеру и глубоко задумался; а затем, собрав народ, он дал им новые законы; и он велел им построить величественный храм в честь звезд, и заставил их сложить в нем все, что было самым ценным для племени.

И он взял к себе пятьдесят детей из самого знаменитого племени; и он взял также десять из числа мужчин, которые служили ему лучше всего, и он повелел, чтобы они служили звездам в великом храме: и Морвен была их вождем.

И он снял корону, которую они возложили на него, и избрал из среды старейшин нового короля.

И он повелел, чтобы отныне только служители звезд в великом храме избирали короля и правителей, держали совет и объявляли войну; но он позволил королю пировать, охотиться и веселиться в пиршественных залах.

И Морвен построила алтари в храме и была первой, кто на Севере *принесла в жертву зверя и птицу, а затем и человеческую плоть*, на алтарях.

И он извлекал предзнаменования из внутренностей жертвы и основывал школы для изучения науки пророка; и благочестие Морвена было чудом племени, поскольку он отказался быть королем.

А Морвен, верховный жрец, был *в десять тысяч раз могущественнее короля.*

Он научил людей возделывать землю и сеять травы; и своей мудростью и доблестью, которые его пророчества вселяли в людей, он покорил все соседние племена.

И сыновья Страуса распространились по могущественной империи, а вместе с ними распространились имя и законы Морвена.

И в каждой провинции, которую он завоевывал, он приказывал им строить храмы звездам.

Но тяжелое горе обрушилось на годы жизни Морвен.

Сестра Сирора склонила голову и недолго пережила резню своей расы.

И она оставила Морвен бездетной.

И он горевал горько и безутешно, потому что только у нее одной в мире было в его сердце силы любить.

И он сел и закрыл лицо руками, говоря:

“Вот: я побеждал и мучился; и никогда прежде в мире человек не побеждал так, как победил я.

“Воистину, империи железных ног и гигантских конечностей больше нет; я нашел новую власть, которая отныне будет править землями; —*империя замысловатого мозга и командующего разума.*

“Но, смотри, судьба моя бесплодна, и я уже чувствую, что на ней не вырастет ни плода, ни дерева, которые приютили бы меня в старости.

“Опустошенный и одинокий я сойду в могилу.

“О Орна! моя прекрасная! моя любимая! никто не был подобен тебе, и твоей любви я обязан своей славой и своей жизнью.

“Хотел бы ради тебя, о милая птичка! это гнездилось в темной пещере моего сердца — хотел бы я ради тебя, чтобы твои братья были пощажены, ибо, воистину, ценой своей жизни я купил бы твою.

“Увы! только когда я потерял тебя, я понял, что твоя любовь была мне дороже страха других”.

И Морвен скорбел день и ночь, и никто не мог утешить его.

Но с того времени он отдался исключительно заботам своего призвания; и его характер, и его привязанности, и все, что в нем оставалось мягкого, стало твердым, как камень; и он был человеком без любви, *и он запретил священнику любовь и брак.*

Теперь, в последние годы его жизни, появились ДРУГИЕ пророки; ибо мир стал мудрее даже благодаря мудрости Морвен, и некоторые действительно говорили себе:

“Смотрите, Морвен, сын пастуха, - царь царей: это сделали звезды для своего слуги; не станем ли мы, следовательно, также слугами звезды?”

И они носили черные одежды, как Морвен, и ходили повсюду, пророчествуя о том, что предсказали им звезды.

И Морвен был чрезвычайно разгневан; ибо он больше, чем другие люди, знал, что пророки лгут; а потому он выступил против них со служителями храма, взял их и сжег на медленном огне; ибо так сказал Морвен народу:

“У истинного пророка есть честь, но только я истинный пророк!”

“Всем лжепророкам непременно уготована смерть”.

И народ рукоплескал благочестию сына Осслаха.

И Морвен посвятил мудрейших из детей в тайны храма, так что они выросли и стали достойными преемниками ему.

И он умер, преисполненный лет и чести; и они вырезали его изображение на могучем камне перед храмом, и это изображение простояло тысячу веков, и всякий, кто смотрел на него, трепетал; ибо лицо его было спокойно от спокойствия невыразимого благоговения!

И Морвен была первой смертной на Севере, которая сделала *Религию ступенькой к Власти*.

Несомненно, Морвен был великим человеком!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Это была последняя ночь старого года, и звезды восседали каждая на своем рубиновом троне и бессонными глазами смотрели на мир. Ночь была темной и беспокойной, дули страшные ветры, и быстро и часто гнали облака под тронами королей ночи. Но время от времени огненные метеоры вспыхивали в глубинах небес и снова поглощались могилами тьмы.

А далеко под своими собратями, окруженная зловещей дымкой, сидела недовольная звезда, которая наблюдала за охотниками Севера. И над самой нижней бездной космоса разлился густой и могучий мрак, из которого, как из котла, поднимались столбы клубящегося дыма; и все же, когда сильные ветры на мгновение останавливались на своем пути, из бездны в верхние слои воздуха доносились голоса горя и смеха, смешанные с воплями.

И вот, в разгар ночи, огромная фигура медленно поднялась из бездны, и ее крылья окутали мир чернотой. Высоко вверх, к трону звезды недовольства, плыла устрашающая фигура, и звезда задрожала на своем троне, когда фигура предстала перед ним лицом к лицу. И фигура сказала: “Приветствую тебя, брат!—приветствую вас!”

“Я не знаю тебя”, - ответила звезда. - “Ты не архангел, посещающий королей ночи”.

И фигура громко рассмеялась. “Я упавшая утренняя звезда.— Я Люцифер, твой брат. Разве ты, о угрюмый царь, не служил мне и моим близким? и разве ты не отнял землю у твоего Господа, восседающего на небесах, и не отдал ее мне, *затемнив души людей религией страха*? А потому приди, брат, приди; — тебе уготован трон рядом с моим в огненном мраке. Приди.— Небеса больше не для тебя”. Тогда звезда поднялась со своего трона и перешла на сторону Люцифера. Вечно дух недовольства симпатизировал душе гордыни.

И они медленно опускались в пропасть мрака. Это была первая ночь нового года, и звезды восседали каждая на своем рубиновом троне и бессонными глазами смотрели на мир. Но печаль омрачила светлые лица королей ночи, ибо они скорбели в тишине и страхе о павшем брате.

И врата небес распахнулись с золотым звуком, и быстрый архангел слетел вниз на своих бесшумных крыльях; и архангел передал каждой из звезд, как и прежде, послание своего Господа; и каждой звезде было назначено его попечение.

И когда геральдика, казалось, была закончена, из бездны мрака донесся смех, и на полпути из бездны поднялась зловещая фигура Люцифера, дьявола.

“Ты плохо считаешь свое стадо, о лучезарный пастырь. Смотри! одной звезды не хватает из трех тысяч десяти”.

“Возвращайся в свою пропасть, ложный Люцифер! трон твоего брата занят”.

И вот! пока архангел говорил, звезды узрели молодого и сияющего незнакомца на троне блуждающей звезды; и на его лицо было так приятно смотреть, что самые тусклые человеческие глаза могли бы без смущения любоваться его великолепием; но только темный дьявол был ослепленного блеском, и с воплем, сотрясшим пылающие столпы вселенной, он нырнул назад во мрак.

Затем, издалека и сладостно, из невидимой арки, донесся голос Бога:

“Смотрите! на троне звезды недовольства восседает звезда надежды; и тот, кто вдохнул в человечество Религию Страха, имеет преемника в том, кто научит землю Религии Любви.”

И отныне Звезда Страха пребывает с Люцифером, а Звезда Любви бодрствует на небесах.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЗЛА

Автор : лорд Броэм

ДИССЕРТАЦИЯ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЗЛА.

Вопрос, который больше, чем какой-либо другой, беспокоит метафизических мыслителей, но особенно теологов, и по которому человеческие способности, вероятно, никогда не придут к удовлетворительному выводу, - это происхождение Зла и попустительство Ему.

Поскольку его существование всегда предполагалось, философы формировали различные теории для его объяснения, но они всегда делали из него очень разные выводы.

Древние эпикурейцы выступали против существования Божества, поскольку они считали, что существование Зла либо доказывает его ограниченную силу, либо злокачественную природу; любое из этих несовершенств несовместимо с первоначальными представлениями о божественном существе.

В такого рода рассуждениях им последовали как атеисты, так и скептики более поздних времен.

Бейль рассматривал тему зла как один из великих арсеналов, из которого в основном следовало черпать свое оружие. Ни одна из статей в его знаменитом Словаре не является более сложной, чем те, в которых он рассматривает этот предмет. *Монихианство* и в еще большей степени *павликианство* почти принимают вид официальных трактатов по этому вопросу; и как *маркионит*, так и *Зороастр* рассматривают один и тот же предмет. Все эти статьи представляют значительную ценность; в них содержится большая часть знаний по данному вопросу; и они отличаются остротой рассуждений, которая была другой характерной чертой их знаменитого автора.

Те древние философы, которые не соглашались с Эпикуром в аргументации существования зла против существования провидения, которое руководило судьбами мира и влияло на них, столкнулись с немалыми трудностями, объясняя факт, который они не отрицали, и все же поддерживая власть божественного правителя. Доктрина о двойном принципе, или о двух божественных существах противоположной природы, одно из которых благотворно, другое вредно, была решением, которое один класс мыслителей счел удовлетворительным и к которому, по их мнению, их подталкивали явления вселенной.

Другие, неспособные отрицать существование вещей, которые люди называют злом, как физическим, так и моральным, объясняют их по-другому. Они утверждали, что физическое зло получило название только из-за наших несовершенных, порочных или немощных наклонностей; что для мудрого человека такого понятия не существует; что мы можем подняться выше всех таких низкопоклонственных представлений, которые заставляют нас бояться или роптать на любые события, которые могут обрушиться на тело; что боль, недуг, потеря состояния или репутации, изгнание, сама смерть считаются бедами только слабым и избалованным умом; что если мы находим мир утомительным, или прискорбным, или неприятным, мы можем в любой момент покинуть его; и что поэтому у нас есть нет никакого права называть злом любое страдание, связанное с существованием на земле, потому что почти все страдания могут быть перенесены терпеливым и твердым умом; поскольку, если ситуация, в которую мы попали, становится либо невыносимой, либо в целом скорее болезненной, чем приятной, мы сами виноваты в том, что остаемся в ней.

Но эти философы пошли дальше по вопросу, который особенно применим к моральному злу. Они считали, что нет ничего более безосновательного, чем предполагать, что если бы не было зла, то в мире могло бы быть и добро; и они проиллюстрировали эту позицию вопросом, как мы можем знать что-либо об умеренности, мужестве или справедливости, если только не существуют такие вещи, как излишество, трусость и несправедливость.

Таковы были доктрины стоиков, из чьей возвышенной и непрактичной философии они, казалось, вытекали достаточно естественно. Авл Геллий рассказывает, что последний упомянутый аргумент был изложен Хрисиппом в его работе о провидении. Ответ, данный Плутархом, кажется вполне достаточным: “С таким же успехом вы могли бы сказать, что у Ахилла не могло быть красивой шевелюры, если бы Терсит не был лысым; или что конечности одного человека не могли бы быть полностью здоровыми, если бы у другого не было подагры”.

По правде говоря, стоическая доктрина исходит из предположения, что всякая добродетель есть лишь отрицание порока; и она столь же абсурдна, если на самом деле это не та же самая абсурдность, что и доктрина, которая должна отрицать существование утвердительных или позитивных истин, сводя их все к противоположным отрицательным положениям. В самом деле, если бы мы даже приняли это как абстрактное положение, фактическое существование зла все равно было бы ненужным для идеи добра и тем более для его существования. Ибо концепции зла, простой идеи о его возможности было бы вполне достаточно, и не было бы повода привести ни одного примера этого.

Другая доктрина, доктрина о двух противоположных принципах, была принята большинством других сект, как, по-видимому, в тот или иной период их исследований. Сам Платон в своих более поздних работах явно был сторонником этой системы, поскольку он считал, что существует по крайней мере два принципа, добро и зло, к которым он добавил третий, замедлитель или посредник между ними.

Было ли это учение, как и многие другие, завезено в Грецию с Востока или же оно явилось естественным развитием школ, мы не можем установить. Несомненно то, что сами греки верили, что этому учил Зороастр в Азии, по крайней мере, за пять столетий до Троянской войны; так что это существовало там задолго до того, как название философии стало известно в западном мире.

Доктрина Зороастра во всех отношениях совпадала с доктриной Платона; ибо, помимо Оомазеса, доброго принципа, и Ариманиуса, принципа зла, он учил, что существует третий, или посреднический принцип, называемый Митрой. Совершенно ясно, что это так и не стало частью популярных верований в Греции или Италии. Весь политеизм этих стран признавал каждого из богов творцами как добра, так и зла. И даже главное из божеств, под властью которого находились остальные, не являлось исключением из общего правила; ибо Юпитер не только давал добро из одной урны и зло из другой, но и сам, согласно варварской мифологии классической древности, был образцом одновременно человеческих совершенств и человеческих пороков.

После того, как свет христианской религии проложил некоторый путь к вытеснению древнего политеизма, доктрина о двух принципах была выдвинута; сначала Маркионом, жившим во времена Адриана и Антония Пия, в начале второго века; а затем Манесом, сто лет спустя. Он был персидским рабом, которого привезли в Грецию, где он преподавал это учение, с тех пор

известное под его именем, узнав его, как говорят, от араба Скифиана. Манихейские доктрины, впоследствии названные также павликанскими по имени их великого учителя в седьмом веке, были похожи почти на все ереси первоначальной церкви, вскоре смешавшиеся с грубыми примесями священных обрядов, а также с экстравагантными нелепостями вероучения.

Манихеи, вероятно, как из-за этого, так и из-за духа религиозной нетерпимости, рано стали объектами жестоких преследований; и сам Кодекс Юстиниана осуждает смертную казнь в отношении любой секты, если она находится в пределах римских владений.

Следует признать, что теория о двух принципах, когда она свободна от нелепостей и примесей, которые были внесены в манихейскую доктрину, не является противоестественной для людей, не получающих помощи от света откровения,¹ и которые сбиты с толку появлением мира, где зло и добро смешаны вместе или, кажется, борются друг с другом, иногда одно преобладает, а иногда другое; и соответственно, во всех странах, как у самых варварских народов, так и у самых утонченных, мы находим явные следы размышлений людей, которые были вынуждены прийти к такому решению проблемы. трудность.

При поверхностном взгляде это кажется очень легко выводимым из явлений; и поскольку идея бесконечной силы, с которой она явно несовместима, ни в коем случае не представляется уму столь естественно, при условии, что атрибутом, которым, как полагают, наделено Божество, является только очень большая степень силы, сила, которая по сравнению со всей человеческой силой может быть названа бесконечной. Манихейскую гипотезу ни в коем случае не так легко опровергнуть. То, что власть Божества должна была иметь пределы даже в системах самых просвещенных язычников, не подлежит сомнению. Они, вообще говоря, верили в вечность материи исчисляли некоторые из ее качеств настолько существенно необходимыми для ее существования, что никакое божественное воздействие не могло их изменить. Они приписывали Божеству пластическую силу, способность не творить или уничтожать, а только формировать, распоряжаться и перемещать материю. Таким образом, над разумом они обычно дают ему подобную власть, рассматривая ее как своего рода эманацию его собственного более великого разума или сущности, и предназначенную для воссоединения с ним в будущем. Более того, они считали, что над всеми богами, обладающими большей силой, чем у любого другого, властвует судьба; непреодолимая и первостепенная необходимость, о которой у них сложились некоторые темные представления и которой, как предполагалось, должен был подчиняться главный из всех богов. Действительно, чрезвычайно трудно точно определить, что представляла собой философская теория богословия в Греции и Риме, потому что большое различие между эзотерическими и экзотерическими доктринами, между верой немногих ученых и народным суеверием очень затрудняет избегание смешивания этих двух и приписывания первому некоторых из более грубых ошибок, которыми изобиловало последнее. Тем не менее, мы можем полагаться на то, что только что было сказано, как передающее, вообще говоря, мнение философов, хотя некоторые секты, несомненно, имели еще более скудную долю веры.

Но вскоре мы обнаружим, что в рассуждениях гораздо более просвещенных современных людей, конечно, христиан, прослеживаются ошибки подобного рода. Они постоянно обсуждают великий вопрос о зле, основываясь на скрытом предположении, что могущество Божества ограничено некоторыми силами или качествами, присущими материи; иногда можно уловить понятия, аналогичные понятиям веры; они на самом деле не сформулированы и не

расширены в предложения, но влияют на ход рассуждений; в то время как вера в бесконечные атрибуты никогда не поддерживается в постоянном поле зрения, за исключением случаев, когда это требуется для опровержения манихейских доктрин. Некоторые наблюдатели за полемикой действительно не постеснялись утверждать, что те, о ком мы говорим, на самом деле манихеи, сами того не зная; и строят свои системы на предположениях, тайно заимствованных у учеников Зороастра, никогда открыто не заявляя об этих предположениях в форме постулатов или определений.

Опровержение манихейской гипотезы чрезвычайно легко, если нам будет позволено предположить, что оба принципа, которые она предполагает, обладают либо бесконечной силой, либо равной силой. Если они обладают бесконечной силой, предположение об их сосуществовании влечет за собой противоречие в терминах; поскольку одно противостоит другому, сила каждого должна быть чем-то взятым из силы другого; следовательно, ни одно из них не может обладать бесконечной силой. Если, опять же, мы только предположим, что оба они обладают равной силой и всегда действуют друг против друга, то вообще ничего не могло бы быть сделано, ни доброго, ни злого; вселенная остановилась бы; или, скорее, никакой акт творения никогда не мог бы быть совершен, и никакое существование не могло бы быть мыслимо вне существования двух антагонистических принципов.

Аргумент архиепископа Тиллотсона, собственно говоря, сводится к этому последнему утверждению и применим к равным и противоположным принципам, хотя он применяет его к двум существам, обоим бесконечно могущественным и противодействующим друг другу. Когда он говорит, что они связали бы друг друга узами, он мог бы применить этот аргумент к таким антагонистическим принципам, хотя бы равным, хотя и не бесконечно могущественным. Гипотеза о том, что они оба бесконечно могущественны, не нуждается в таком опровержении; это противоречие в терминах. Но следует помнить, что защитники манихейской доктрины пытаются защититься от нападков, утверждая, что конфликт между двумя принципами заканчивается своего рода компромиссом, так что ни один из них не идет своим собственным путем; существует смесь зла, допускаемая принципом добра, потому что иначе все остановилось бы; в то время как принцип зла допускает много добра, иначе ничего, ни хорошего, ни злого, не было бы сделано. Следовательно, для этой теории требуется другой ответ, отличный от того, который дали Тиллотсон и его последователи.

Во-первых, мы должны заметить, что это рассуждение манихеев основывается на аналогии с тем, что мы видим в спорах смертных; когда ни одна из сторон не в силах победить другую, каждая довольствуется небольшим уступком своему противнику, и таким образом, благодаря взаимной уступке, оба в какой-то степени добиваются успеха, и оба в какой-то степени разочаровываются. Но в рассуждениях о природе Божества, по-видимому, нет места таким понятиям.

Во-вторых, равенство сил не является произвольным допущением; по-видимому, оно вытекает из существования двух противоположных принципов. Ибо если они независимы друг от друга в том, что касается существования, а это необходимо, иначе один немедленно уничтожил бы другого, то они также должны в каждом конкретном случае быть независимыми друг от друга, а также равными друг другу, иначе один обладал бы господством, и влияние другого не могло бы быть воспринято. Утверждать, что в одних вещах преобладает доброе начало, а в других - злое, на самом деле означает не более чем то, что добро существует здесь, а зло там. Это ни на шаг

не продвигает аргумент и не дает ничего похожего на объяснение. Ибо всегда следует иметь в виду, что весь вопрос о Происхождении Зла исходит из предположения о мудром, доброжелательном и могущественном Существе, создавшем мир. Трудность, и единственная трудность, заключается в том, как примирить существующее зло с атрибутами такого Существа; и если манихеец объясняет это только тем, что доброе Существо сделало то, что хорошо, а другое злое Существо сделало то, что плохо во вселенной, он на самом деле не говорит нам ничего, кроме факта; он не применяет свое объяснение к трудности; и он предполагает существование второго Божества безвозмездно и без какой-либо цели.

Но, в-, в каком бы свете мы ни рассматривали гипотезу, она, по-видимому, подвергается аналогичному возражению, а именно тому, что ее применение ничего не объясняет, в то время как само по себе оно совершенно необоснованно. Это предполагает, конечно, что творение было актом доброго Существа; и это также предполагает, что доброта Существа была совершенной, хотя его могущество ограничено. Тогда, поскольку он, должно быть, знал о существовании принципа зла и предвидел неизбежность несчастий, вызванных его существованием, почему он добровольно создал живые существа, чтобы отдать их, по крайней мере в некоторых отношениях, во власть зла и, таким образом, подвергнуться страданиям? Доброе Существо, согласно этой теории, является отдаленной причиной претерпеваемого зла, потому что, если бы не его акт творения, у злого Существа не могло бы быть субъектов, с которыми можно было бы творить зло; так что гипотеза полностью терпит неудачу в устранении более чем на один шаг трудности, для решения которой она была изобретена.

В-четвертых, предположение о двух Существах, а не об одном Существе смешанной природы, не дает аргументу никаких преимуществ. Факты приводят к этому предположению так же естественно, как и к гипотезе о двух принципах. Существование злого Существа в такой же степени умаляет могущество доброго, как если бы мы только сразу предположили, что последнее обладает ограниченной властью и что оно предпочитает создавать и поддерживать существа, которые страдают гораздо меньше, чем наслаждаются, вместо того, чтобы не создавать никаких созданий вообще. Предположение, что он сделал их настолько счастливыми, насколько мог, и что, будучи не в состоянии сделать их менее несчастными, он все же понимал, что в целом их существование принесет больше счастья, чем если бы у них вообще никогда не было никакого существа, просто объясняет явления, а также манихейскую теорию, и так же мало, как эта теория, предполагает какую-либо недоброжелательность к силе, которая создала и сохранила вселенную. Если, однако, возразят, что эта гипотеза оставляет необъясненными оковы, сковывающие власть доброго Существа, ответ очевиден; она оставляет эти оковы объясненными ничуть не меньше, чем манихейская теория; поскольку эта теория не дает объяснения существованию противодействующего принципа и предполагает как антагонистическую силу, ограничивающую власть Божества, так и злонамеренный принцип, приводящий антагонистическую силу в движение; тогда как наше предположение вообще не предполагает злонамеренности, а только ограничение божественной силы.

В--пятых, это подводит нас к другому и самому серьезному возражению. Представить себе вечное существование единого Существа, бесконечно могущественного, “сотворившего себя и создающего всех других”, ни в коем случае невозможно. В самом деле, поскольку все должно было иметь причину, ничто из того, что мы видим, не может быть создано само по себе, мы естественным образом поднимаемся от частных к общему, пока, наконец, не поднимаемся к идее первопричины, несотворенной, самосущей и вечной. Если феномены вынуждают нас

ставить границы его благодати, мы считаем невозможным представить себе пределы силе творческого, вечного, самосущего принципа. Но даже предположив, что мы могли бы составить представление о таком Существе, могущество которого ограничено так же, как и его доброта, все равно мы не можем представить себе второго независимого от него Существа. Это неизбежно привело бы к предположению о некоем третьем Существе, стоящем выше и предшествующем обоим, и создателе обоих — настоящей первопричине, — и тогда весь вопрос пришлось бы решать заново: Почему великое Существо всего сущего допустило существование этих двух антагонистических Существ?

Таким образом, манихейская доктрина подвергается всем возражениям, против которых теория может быть несносна. Она беспричинна; она неприменима к фактам; она предполагает больше причин, чем необходимо; она не в состоянии объяснить явления, оставляя трудности именно там, где она их обнаружила. Тем не менее, такова теория, какой бы легкой она ни была, когда ее открыто признают и недвусмысленно излагают, которая в различных обликах, по-видимому, пронизывает объяснения фактов, данные большинством других систем; более того, формирует, тайно и непризнанно, их основную основу. Ибо на самом деле не имеет большого значения, должны ли мы объяснять зло, утверждая, что Божество создало столько счастья, сколько соответствовало “природе вещей”, и приняло все средства, чтобы избежать всякого зла, за исключением “тех случаев, когда оно обязательно существовало”, или сразу же предоставить этим ограничивающим влияниям отдельное и независимое существование и назвать их их собственными именами, что является манихейской гипотезой.

Наиболее примечательным аргументом по этому вопросу, наиболее выдающимся как по своему ясному и упорядоченному изложению, так и по систематической форме, которую он принимает, является аргумент архиепископа Кинга. Это великий учебник для тех, кто изучает этот предмет; и, подобно знаменитому юридическому труду Литтлтона, он нашел толкователя еще более способного и образованного, чем сам автор. Комментарий Бишопу Лоу полон информации, рассуждений и разъяснений; нам также нелегко найти что-либо ценное по этому вопросу, чего не содержится в томах этого труда. Однако потребуется лишь небольшое изучение доктрин, которых придерживаются эти ученые и благочестивые люди, чтобы убедиться в том, что они все время либо предполагают то, что должно быть доказано, либо исходят из предположений, совершенно несовместимых с безграничным могуществом Божества — единственная позиция, которая поднимает вопрос и которая создает трудность, требующую разрешения.

Согласно всем системам, в том числе и этой, зло бывает двух видов — физическое и моральное. К первому классу относятся все страдания, которым чувствующие существа подвергаются из-за свойств и воздействий материи, независимых от их собственных действий; ко второму классу относятся страдания любого рода, возникающие из-за их собственного поведения. Такое разделение предмета, однако, вызывает одно серьезное возражение; оно включает во вторую главу класс зол, которые правильнее было бы отнести к первой. Это также не просто вопрос классификации: он затрагивает весь объем аргументации. Второй из вышеупомянутых классов охватывает как физическое зло, которое вызывает человеческая деятельность, но которое она не имела бы силы причинить, если бы свойства материи не были такими, чтобы вызывать боль, лишения и смерть; а также моральное зло вины, которое, возможно, существует независимо от материальной деятельности, но которое, независимо от того, зависит оно от этого физического действия или нет, вполне отделимо от него, полностью пребывая в уме. Таким образом, человек, который разрушает жизнь другого, производит физическое зло посредством строения материи,

а моральное зло является источником его злых действий. Таким образом, истинное положение таково: физическое зло - это то, что зависит от строения материи или связано с строением разума лишь настолько, насколько необходимо принять природу и существование чувствующего существа, чтобы ощутить его вред. И это физическое зло бывает двух видов: то, что проистекает из человеческих действий, и то, что не зависит от человеческих действий, выпадая на нашу долю в результате неизменного хода природы. К первому классу относятся боль, лишения и разрушения, причиняемые людьми друг другу; ко второму классу относятся болезни, старость и смерть. Моральное зло состоит в преступлениях, будь то в совершении или бездействии, в которых виновны люди, включая под последним названием те страдания, которые мы переносим от плохо отрегулированных умов из-за недостатка силы духа или самоконтроля. Ясно, что в том, что касается вопроса о происхождении зла, первый из этих двух классов, физическое зло, зависит от свойств материи, а последний - от свойств разума. Второе, так же как и первое подразделение физического класса, зависит от материи; потому что, каким бы недоброжелательным ни был разум действующего лица, он мог причинить вред только вследствие строения материи. Следовательно, Существо, создавшее материю, позволило ему совершить зло, даже допуская, что это Существо, создав разум, не породило также злого расположения; и допуская, что в том, что касается этого расположения, оно имеет то же происхождение, что и зло второго класса, или моральное зло, действия рационального агента.

Совершенно верно, что многие мыслители отказываются проводить какое-либо различие между злом, вызванным естественными причинами, и злом, вызванным рациональными агентами, будь то в том, что касается их собственной вины или вреда, который она причинила другим. Эти мыслители отрицают, что создание человеческой воли и наделение ее свободой что-либо объясняет; они считают, что создание разума, воля которого состоит в том, чтобы творить зло, равнозначно тому же и принадлежит к тому же классу, что и создание материи, природа которой заключается в причинении боли и страданий. Но эта позиция, которая включает в себя доктрину необходимости, должна, по крайней мере, допускать одно изменение. Там, где нет никакого вмешательства человека, и бедствие происходит без чьей-либо вины в нем, зло кажется на шаг, и на большой шаг, ближе к созидательной или руководящей причине, потому что для людей оно совершенно неизбежно. Таким образом, основная тенденция аргументации сводится к физическому злу; и это всегда считалось самым трудным для объяснения, то есть к примирению с правительством совершенно доброго и могущественного Существа. Это действительно было бы очень легко объяснить, и примирение было бы легко достигнуто, если бы мы были вольны предположить, что материя независима в своем существовании и в определенных качествах от божественного контроля; но это означало бы предположить, что могущество Божества ограничено и несовершенно, что является лишь одной стороной эпикурейской дилеммы, "*Aut vult et non potest*"; и, принимая это, мы не столько задаем вопрос, сколько полностью отказываемся от него и признаем, что не можем разрешить трудность. И все же, каким бы очевидным это ни было, мы вскоре увидим, что рассуждающие, взявшиеся за решение, и особенно Кинг и Ло, используя такие фразы, как "природа вещей" и "законы материальной вселенной", постоянно, на протяжении всего спора, были виновны в этом *petitio principii* (напрашивании вопроса), или, скорее, в этом оставлении вопроса в целом, и никогда в большей степени, чем в тот самый момент, когда они самодовольно хвалились тем, что преодолели трудность.

Исходя из этих наблюдений с целью прояснения почвы и избежания путаницы в аргументации, мы можем теперь считать, что теория архиепископа Кинга верна в обеих своих частях; ибо на

самом деле существуют два различных объяснения, одно из которых напоминает аргумент *априорный*, другое - аргумент *апостериорный*. Однако немало примечательно, что епископ Лоу в замечательном аннотации или анализе, который он дает о трактате архиепископа в конце своего предисловия, начинает со второго раздела, опуская все упоминания о первом, как будто он считал это всего лишь вводным материалом; и все же его четырнадцатое примечание (t. сар. I, с. 3.) показывает, что он осознавал, что это аргумент, полностью независимый от остальных рассуждений; ибо он там говорит, что автор привел одну демонстрацию *априори*, и что никакие трудности, возникающие при изучении явлений, никакие возражения *апостериори*, не должны отменять ее, если только эти трудности не являются столь же определенными и ясными при демонстрации и не допускают решения, согласующегося с этой демонстрацией.

Поскольку показана необходимость наличия первопричины и очевидно, что, следовательно, эта причина несотворенна, самосуца и независима от какой-либо другой, то затем делается вывод, что ее сила должна быть бесконечной. Это доказывается соображением, что нет другой предшествующей причины и нет другого принципа, который не был бы создан первопричиной и, следовательно, который не обладал бы меньшей силой; следовательно, нет ничего, что могло бы ограничить силу первопричины; и поскольку нет ограничителя или сдерживающей силы, не может быть никакого ограничения.

Опять же, бесконечность могущества Божества пытаются доказать другим способом.

Число возможных вещей бесконечно; но каждая возможность подразумевает силу совершить возможную вещь; и поскольку одна возможная вещь подразумевает силу совершить это, бесконечное число возможных вещей подразумевает бесконечную силу. Или, как выразились Декарт и его последователи, мы не можем иметь представления о чем-либо, что не имеет ни действительного, ни возможного существования; но у нас есть идея Существа бесконечного совершенства; следовательно, оно должно действительно существовать; ибо в противном случае не хватало бы одного совершенства, и поэтому оно не было бы бесконечным, которым оно либо является на самом деле, либо возможно. Излишне отмечать, что весь этот аргумент, что бы ни было сказано о первом, является чистой логической ошибкой *ipetito principii* повсюду. Картезианская форма этого является наиболее вопиюще ошибочной и действительно разоблачает саму себя; ибо с помощью этого рассуждения мы могли бы доказать существование огненного дракона или любого другого фантома мозга. Но даже более скрытый софизм Кинга столь же абсурден. Какие есть основания утверждать, что число возможных вещей бесконечно? Он добавляет: "по крайней мере, в силе", что либо ничего не означает, либо только то, что мы обладаем способностью представлять бесконечное число возможностей. Но из того, что мы можем представить себе бесконечность возможностей, следует ли из этого, что эта бесконечность действительно существует? Весь этот аргумент недостоин минутного рассмотрения. Другой вариант более правдоподобен, это ограничение подразумевает сдерживающую силу. Но даже это не является удовлетворительным при ближайшем рассмотрении. Ибо, хотя первопричина должна быть самосуцей и иметь вечную продолжительность, нами движет только необходимость предположить причину, на которой основывается весь аргумент, предположить, что она способна вызвать все, что действительно существует; и, следовательно, расширять этот вывод и предполагать, что причина обладает бесконечной силой, кажется необоснованным. Также нет необходимости предполагать другую силу, ограничивающую его эффективность, если мы не считаем необходимым предполагать его собственную конституцию и сущность, такие, которые мы называем бесконечно

могущественными. Однако, заметив этот явный недостаток в фундаментальной части аргументации, той, которая предполагает бесконечную силу, давайте пока примем положение, которое должно быть доказано либо этими, либо любыми другими причинами, и посмотрим, выдержит ли построенная на нем структура проверку исследованием.

Таким образом, существует бесконечно могущественное Существо, и оно было создателем вселенной; но для того, чтобы склонить его к творению, не могло быть никакого возможного мотива счастья для него самого, и он должен был, говорит Кинг, искать либо своего собственного счастья, либо счастья вселенной, которую он создал. Следовательно, его собственные идеи, должно быть, сообщали творению счастье. Он мог желать только проявлять свои атрибуты без него или вечно для себя, чего он не мог сделать до создания других существ. Но это могло бы только удовлетворить его природу, которая ни в чем не нуждается, будучи совершенной сама по себе, передавая свою доброту и обеспечивая счастье других живых существ, созданных им для этой цели. Следовательно, говорит Кинг, “из этого явно следует, что мир настолько хорош, насколько это могло быть создано бесконечной силой и благодатью; ибо, поскольку применение божественной силы и передача его благодати являются целями, ради которых создан мир, нет сомнения, что Бог достиг этих целей”. И еще: “Если тогда что-то неудобное или несогласованное возникло сейчас или было с самого начала, этому, конечно, не могли помешать или устранить даже бесконечная сила, мудрость и благодать”.

Теперь, конечно, никто не может отрицать, что если Бог бесконечно могуществен и также бесконечно добр, то из этого должно следовать, что все, что выглядит как зло, либо на самом деле злом не является, либо что это такое, чего бесконечная сила не могла избежать. Это подразумевается в самих терминах гипотезы. Можно также допустить, что если единственной целью Божества в его устройении является счастье его созданий, то из этого следует тот же вывод, даже не предполагая, что его природа бесконечно добра; ибо мы допускаем то, что для целей аргументации является одним и тем же, а именно, что в его замысел по созданию или поддержанию вселенной не входило никакого зла. Но все это на самом деле предполагает именно то, что должно быть доказано. Кинг преодолевает трудность и приходит к своему выводу, говоря: “Божество могло иметь только одну из двух целей — свое собственное счастье или счастье своих созданий”. Скептик отвечает: “У него могла быть другая цель, а именно, страдание его созданий”; и тогда весь вопрос в том, была ли у него эта другая цель или, что то же самое, является ли его природа совершенно хорошей. Никогда не следует забывать, что пока зло не существует, спорить не о чем - вопрос отпадает. Вся трудность возникает из признания того, что зло существует, или того, что мы называем злом, существует. Исходя из этого, мы спрашиваем, может ли автор этого быть совершенно доброжелательным? и если да, то с какой целью он это создал? Это предполагает, что он бесконечно могуществен или, по крайней мере, достаточно могуществен, чтобы предотвратить зло; но на самом деле мы сейчас спорим с архиепископом, исходя из предположения, что он доказал, что Божество обладает бесконечной силой. Скептик останавливается на своей дилемме, и его удовлетворяет либо альтернатива - ограниченная сила, либо ограниченная доброта.

Следовательно, совершенно очевидно, что Кинг предположил, что это должно быть доказано в его первом аргументе, или аргументе *априори*. Ибо он исходит из постулатов, что Божество бесконечно благоугодно и что он имел в виду только человеческое счастье, когда создавал мир. Любое из предположений послужило бы его цели; и выдвинуть любое из них означало бы принять как должное весь спорный вопрос. Но он взял на себя и то, и другое; и следует

добавить, что он взял на себя и то, и другое, как если бы он излагал только одну позицию. Эта часть работы, безусловно, более неряшлива, чем остальные. Это третий раздел первой главы.

Разумеется, не из-за какого-либо нежелания признать существование зла ученый автор и его способный комментатор были вовлечены в этот неубедительный ход рассуждений. Нигде мы не найдем более поразительного изложения положения вещей в этом отношении и более мрачных описаний нашего положения, чем в их знаменитом труде. “Откуда столько неточностей, ” говорит архиепископ, “ в работе самого доброго и могущественного Бога? Откуда эта вечная война между самими стихиями, между животными, между людьми? Откуда ошибки, несчастья и пороки, постоянные спутники человеческой жизни с самого ее зарождения? Откуда добро к злым людям, зло к добрым? Если мы видим что-либо неправильное в работе людей, если какая-либо машина служит не той цели, для которой она была создана, если мы находим в ней что-то противное ей самой или другим, мы приписываем это невежеству, нетерпению или злему умыслу рабочего. Но поскольку этим качествам нет места в Боге, как получилось, что они вообще где-то есть? Или почему Бог допускает, чтобы его дела искажались ими?” — Глава ii. s. 3. Епископ Лоу в своем замечательном предисловии излагает дело еще более убедительно: “Когда я спрашиваю, как я попал в этот мир и стал тем, кто я есть, мне говорят, что абсолютно совершенное существо создало меня из ничего и поместило сюда специально, чтобы передать мне часть своего счастья и сделать меня в чем-то похожим на себя. Эта цель не достигнута — происходит прямо противоположное — я нахожу себя окруженным ничем, кроме растерянности, нужды и несчастья - по чьей вине я не знаю — как улучшить себя, я не могу сказать. Какие представления о добре и непорочности это может мне дать? Какие представления о религии? Какие надежды на будущее государство? Ибо, если цель Бога в создании меня совершенно неизвестна, если это либо его слава (как считают некоторые), которая в моем нынешнем состоянии далека от продвижения, либо мое собственное благо, с которым то же самое в равной степени несовместимо, откуда я знаю, что я должен здесь делать, или даже каким образом я должен стараться угодить ему? Или зачем мне вообще пытаться это сделать? Ибо, если я должен быть несчастен в этом мире, какая у меня гарантия, что я не буду таким же и в другом (если таковой существует), поскольку, если бы на то была воля моего Всемогущего Создателя, я мог бы (насколько я вижу) быть счастливым в обоих”. — Преф. viii. Таким образом, ставится вопрос. Трудность поднята во всей ее устрашающей величине обоими этими образованными и способными людьми; то, что они явно не смогли обосновать ее аргументом *a priori*, очевидно. Действительно, кажется совершенно невозможным когда-либо ответить аргументом *a priori* на любое возражение, какое бы оно ни возникало из фактов, известных нам только на опыте, и которые, следовательно, имеют природу случайных истин, основанных на случайных доказательствах, в то время как все демонстрации *a priori* обязательно должны основываться на математических истинах. Давайте теперь посмотрим, были ли их труды более успешными в применении к решению трудности рассуждения *апостериори*.

Архиепископ Кинг делит зло на три вида — несовершенство, естественное зло и моральное зло, — включая под последним названием все физическое зло, возникающее в результате действий человека, а также зло, заключающееся в вине за эти действия.

Утверждается, что существование несовершенства необходимо, потому что все сотворенное, а не самосущее, должно быть несовершенным; следовательно, каждое творение Божества, другими словами, все, кроме самого Божества, должно иметь несовершенство по своей

природе. Существование одних несовершенных существ также не является каким-либо вмешательством в свойства других. Существование существ со многими несовершенствами также не является каким-либо вмешательством в то, что другие обладают превосходством. Таким образом, благодать Божества не ставится под сомнение существованием различных категорий сотворенных существ, более или менее приближающихся к совершенству. Если бы он вообще ничего не создал, вселенная стала бы менее восхитительной и содержала бы меньше счастья, чем сейчас. Следовательно, акт простой благожелательности, который вызвал к существованию эти различные категории, не подвергается сомнению ни в отношении добра, ни в отношении силы из-за разнообразия атрибутов, которыми обладают различные созданные существа.

Теперь он переходит к рассмотрению реальной трудности вопроса. И поистине удивительно, что этот пронизательный метафизик начинает с предположения, которое полностью снимает этот вопрос. Как несовершенство, говорит он, возникает из-за того, что сотворенные существа были созданы из ничего, так и естественное зло возникает “из-за того, что все природные вещи имеют отношение к материи и по этой причине обязательно подвержены естественному злу”. До тех пор, пока материя подвержена движению, она должна быть предметом зарождения и разложения. “Это и все другие естественные пороки, - говорит автор, - настолько неизбежно связаны с материальным происхождением вещей, что их невозможно отделить от него, и, таким образом, структура мира либо вообще не должна была формироваться, либо с этим злом следовало мириться без какого-либо вменения божественной силе и благодати”. Опять же, он говорит: “коррупции нельзя было бы избежать без насилия над законами движения и природой материи”. Опять же, “Всевозможных неудобств нельзя было избежать из-за несовершенства материи и природы движения. Следовательно, предпочтительным было то положение вещей, которое достигалось с наименьшими неудобствами”. Затем следует своего рода угроза: “И кто, кроме очень опрометчивого, нескромного человека, подтвердит, что Бог не выбирал этого?” — когда каждый должен понимать, что простая постановка вопроса о зле призывает нас проявить эту смелость и совершить эту неосмотрительность.—Глава iv. s. I, раздел. 7. Затем он более подробно описывает конкретные случаи естественного зла; но со всеми ними обращаются одинаково. Таким образом, смерть объясняется тем, что тела животных представляют собой своего рода сосуды, содержащие движущиеся жидкости, которые, будучи разбитыми, разливаются и движение прекращается; “потому что из-за врожденного несовершенства материи она способна растворяться, и за этим неизбежно должны последовать разлив и застой, а вместе с ними должна прекратиться жизнь животных”. — Глава iv. s. 3. С болезнями обращаются аналогичным образом. “Этого нельзя было избежать, если бы животные не были созданы с совершенно другим телосложением”. Глава iv. s. 7. Все рассуждения резюмированы в заключительном разделе этой части, где автор несколько торжествующе говорит: “Тогда возникает трудный вопрос: откуда берется зло? не является неопровержимым. Ибо это вытекает из самой природы и строения сотворенных существ, и его нельзя было бы избежать без противоречия”. Глава iv. s. 9. К этому в комментарии Бишоп Лоу добавляется (примечание 4i): “было показано, что естественное зло в каждом случае неизбежно, без привнесения в систему большего зла”.

Несомненно, что многие люди, увлеченные авторитетом великого имени, привыкли рассматривать этот труд как учебник и обращались к архиепископу Кингу и его ученому комментатору как к решившим этот вопрос. Так много людей ссылались на “Принципы” как на изображение движения небесных тел, которые никогда не читали или даже не могли прочесть

ни одной страницы этого бессмертного труда. Но ни один человек никогда не открывал ее, кто мог бы, прочитав, разочароваться в чем-то конкретном; вся демонстрация совершенна; ни одна ссылка не отсутствует; ничто не предполагается. Насколько по-другому обстоит дело здесь! Мы открываем работу прелата и обнаруживаем, что она от начала до конца представляет собой цепочку необоснованных предположений, и, что самое главное, в ней вообще ничего не доказано и не объяснено. Зло возникает, по его словам, из природы материи. Кто в этом сомневается? Но разве весь вопрос не в том, почему материя была создана с такими свойствами, как необходимость производить зло? Было невозможно, говорит он, избежать этого в соответствии с законами движения и материи. Несомненно; но весь спор идет об этих законах. Если бы действительно законы природы, существующее устройство материального мира, считались необходимыми и обязательными для Божества, как возможно, чтобы когда-либо поднимался какой-либо вопрос? Божество, обладающее властью издавать эти законы, наделять материю этим строением, а также обладающее властью издавать другие законы и придавать материи другое строение, весь вопрос в том, как его выбор создать существующий порядок вещей — законы и конституцию, которые, как мы находим, преобладают, — может быть согласован с совершенной благостью. Вся аргументация архиепископа предполагает, что материя и ее законы независимы от Божества; и единственный вывод, к которому приводит нас это исследование, состоит в том, что Творец создал мир, в котором было так мало зла, как ему позволяла природа вещей, то есть насколько законы природы и материи позволяли ему; что является бессмыслицей, если эти законы были созданы им, и оставляет вопрос там, где он был, или, скорее, решает его, отказываясь от всемогущества Создателя, если эти законы были обязательны для него.

Следует добавить, однако, что доктор Кинг и доктор Лоу не единственные, кто придерживается этого самого неубедительного хода рассуждений.

Таким образом, доктор Дж. Кларк в своем “трактате о естественном зле”, цитируемом Бишопом Лоу (Примечание 32), показывает, как зло возникает из законов материи; и говорит, что этого нельзя избежать, “не изменив эти первичные законы, то есть не сделав его чем-то иным, чем оно есть, или не изменив его в другую форму; результатом этого было бы только сделать его подверженным злу другого рода, против которого в равной степени выдвигались бы те же возражения”. Так, доктор Дж. Бернетт в своих “рассуждениях о зле” на лекции Бойля (т. ii. С. 201), полагает, что он объясняет смерть, говоря, что материалы, из которых состоит тело, “не могут сохраняться дольше семидесяти лет или около того, и изначально предполагалось, что мы должны умереть в этом возрасте”. Боль, по его мнению, также объясняется наблюдением за тем, что мы наделены чувствами, и что если бы мы не могли чувствовать боль, то не могли бы и получать удовольствие (стр. 202). Опять же, он говорит, что существуют определенные качества, на которые “по природе вещей материя неспособна” (стр. 207). И как будто он действительно чувствовал давление этой трудности, он, наконец, приходит к такому выводу, что жизнь - это бесплатный дар, на который мы не имели права требовать, и который Божество не имело необходимости даровать, и поэтому мы должны принять его с прилагаемыми условиями (стр. 210); что, несомненно, верно, но исключает обсуждение и не отвечает на предложенный вопрос. Также нельзя забывать, что некоторые мыслители странно обращаются с фактами. Таким образом, Дерхэм в своей “Физико-теологии”, объясняя использование яда у змей, сначала желает, чтобы мы имели в виду, что многие ядовитые змеи используются в медицине при упорных заболеваниях, что неверно, и если бы это было так, ничего бы не доказывало, если бы не было доказано, что яд, а не плоть, является лекарственным; а затем говорит, что это “бич

неблагодарных и грешных людей”, добавляя поистине поразительную нелепость, “что народы, которые не знают Бога, больше всего раздражаются ядовитыми рептилиями и другими насекомыми”. пагубные существа. (Книга ix. с. I); что, если бы это было правдой, вызвало бы двойную трудность, показав, что один народ подвергся бичеванию за то, что другой пренебрег проповедью Евангелия среди них. Доктор Дж. Бернетт также объясняет, почему животных убивают в качестве пищи для человека, утверждая, что таким образом они получают всю ту заботу, которую человек таким образом вынужден оказывать им, и поэтому, в целом, становятся лучше оттого, что их съедают. (Лекция Бойля, II. 207). Но, возможно, самая странная ошибка была допущена доктором Шерлоком и самая прискорбная — которую, тем не менее, бишоп Лоу привел в качестве достаточного ответа на возражение относительно смерти: “Это великий инструмент правительства, и она заставляет людей бояться совершать такие злодеяния, которые законы их страны сделали непреложными”. (Примечание 34). Таким образом, величайшая ошибка в уголовном законодательстве всех стран является частью божественного провидения, и человек, наконец, обнаружил, при свете разума, безрассудство и порочность использования инструмента, специально созданного божественным Всеведением для злоупотреблений!

Оставшаяся часть работы Кинга, заполняющая второй том издания Бишопа Лоу, посвящена объяснению морального зла; и здесь беспричинное допущение “природы вещей” и “законов природы” более или менее пронизывает все, как и в предыдущих частях Исследования.

Фундаментальное положение всего этого состоит в том, что, поскольку человек наделен свободной волей, его счастье состоит в принятии надлежащих решений или в правильном осуществлении этой свободной воли. Затем приводятся пять причин неправомерного выбора, в которых, конечно, заключается его несчастье, поскольку это зависит от него самого; этими причинами являются ошибка, небрежность, чрезмерное потворство свободному выбору, упрямство или дурная привычка, а также назойливость естественных appetitов; последнее, следует мимоходом отметить, относится к главе физического зла и не может быть принято в ходе данного обсуждения без возникновения вопроса. Затем формулируется и решается великая трудность, а именно, как примирить эти необоснованные выборы с божественной благодатью. Возражающий утверждает, что свобода воли могла бы существовать и без права проведения неправомерных выборов, поскольку ему было бы позволено выбирать, так сказать, только среди законных объектов выбора. Но ответ на это кажется разумным, что такая воля была бы свободной только по названию; она была бы свободна выбирать между определенными вещами, но не была бы свободной волей. Возражающий снова настаивает на том, что либо выбор свободен и может пасть на злые объекты, против благодати Бога, либо он настолько ограничен, что пасть может только на хорошие объекты. Решение Короля против свободы воли состоит в том, что предотвращение этих неправомерных выборов принесло бы больше зла, чем их перенесение, и поэтому Божество сделало только лучшее, что могло в данных обстоятельствах; решение, очевидно, вызывает те же возражения, что и в отношении Естественного Зла. По словам архиепископа, есть три способа, которыми можно было бы предотвратить неправомерные выборы: не создавать свободного агента — постоянное вмешательство в его свободу воли — перевод его в другой штат, где у него не было бы соблазна ошибиться в своем выборе. Однако можно предложить четвертый способ — создание свободного агента без какой-либо склонности ко злу или какого-либо искушения со стороны внешних объектов. Когда наш автор отвергает второй метод, заявляя, что он предполагает постоянное чудо, столь же великое с моральной точки зрения, каким было бы ежечасное

изменение курса планет в материальной вселенной, ничто не может быть более разумным и более удовлетворительным. Но когда он утверждает, что все наше счастье заключается в сознании свободы выбора, и что мы никогда не познали бы счастья, если бы были ограничены в чем-то конкретном, кажется совершенно непостижимым, как он мог не учитывать огромное удобство состояния, в котором мы были бы гарантированы от любой ошибки или неправильности выбора; состояния, в котором мы оба не могли бы сбиться с пути и всегда осознавали бы эту безопасность. Однако он наиболее явно ставит этот вопрос в связи с двумя другими заявленными методами, с помощью которых можно было бы предотвратить проведение неправомερных выборов. “Вы хотели бы иметь свободу, - говорит он, - без какой-либо склонности ко греху; но можно справедливо усомниться в том, что это возможно *при нынешнем положении вещей*” (глава v. s. 5, подп. 2); и снова, отвечая на вопрос, почему Бог не перевел нас в другое состояние, где никакое искушение не могло бы соблазнить нас, он говорит: “Очевидно, что *при нынешнем положении вещей* для людей невозможно жить без естественных пороков или опасности согрешить”. (*Ib.*) Теперь весь вопрос возникает относительно устройства нынешнего положения вещей. Если допустить, что это неизбежно, или принять это как данность в обсуждении, то вообще отпадает какой-либо вопрос.

Доктрина о цепи бытия расширена и снабжена множеством удачных иллюстраций. Но другими словами, она лишь усугубляет трудность, не решая ее. Ибо тогда возникает вопрос— зачем Божество создало такую цепь, которая не могла быть заполнена без страданий? Это, действительно, просто повторение факта существования зла; ибо говорим ли мы, что среди чувствующих существ есть страдание, или вселенная состоит из существ более или менее счастливых, более или менее несчастных, или существует цепочка существ, различающихся совершенством и блаженством, — очевидно, что все это одно утверждение. Замечание Бейля по поводу такого взгляда на предмет на самом деле вовсе не безосновательно и в высшей степени остроумно: “Стали бы вы защищать короля, который заключил бы всех своих подданных определенного возраста в темницы на том основании, что, если бы он этого не сделал, многие из построенных им камер остались бы пустыми?” Ответ бишопа Лоу на это замечание никоим образом не является удовлетворительным. Он говорит, что это предполагает, что существует больше несчастий, чем счастья. Итак, при таком взгляде на вопрос баланс совершенно несуществен. Существование какого-либо зла вообще поднимает вопрос в той же степени, что и преобладание зла над добром, потому что этот вопрос предполагает совершенно доброе Существо и спрашивает, как такое Существо могло вообще допустить какое-либо зло. В этой части предмета и Кинг, и Ло впали в ошибку, которую недавние открытия выставляют в особенно ясном свете. Они говорят, что аргумент, с которым они имеют дело, привел бы к тому, что земля осталась бы в распоряжении зверей без человеческих обитателей. Но недавние открытия в области ископаемой остеологии доказали, что земля на протяжении веков, предшествовавших последним 5000 или 6000 годам, была предоставлена низшим животным; более того, в еще более ранний период ее существования на ее поверхности вообще не было животной жизни. Таким образом, фактически устраняется основа для доведения до абсурда, предпринятого учеными прелатами.

Единственный аргумент используется в конце исследования. Говорят, что когда Божество решает сотворить других существ, Оно по необходимости должно мириться с несовершенством природы в творении своих рук, точно так же, как оно должно соблюдать равенство радиусов окружности, когда рисует круг. Кто не видит разницы? Значение слова “круг” заключается в том, что все радиусы равны; это равенство является необходимой истиной. Но не доказано, что люди

не могли бы существовать без тех несовершенств, в условиях которых они трудятся. Тем не менее, это аргумент, предложенный этими авторами, когда они жаловались (глава v. s. 5, подраздел 7, раздел 7), что Лактанций недостаточно ответил на эпикурейскую дилемму; это замена, предложенная для восполнения недостатка этого отца. “Следовательно, ” говорит архиепископ, “ когда образуются материя, движение и свободная воля, Божество неизбежно должно допускать искажение вещей и злоупотребление свободой или что-то похуже, поскольку их нельзя разделить без противоречия, и Бог не более важен, потому что он не может отделить равенство радиусов от окружности”. — Глава v. s. 5, подзаголовки. 7. Если бы он не мог сотворить зло, он не был бы всемогущим; если бы он этого не сделал, он должен был бы позволить своей силе бездействовать; и отвергая зло, он отвергал бы все добро. “Таким образом, - восклицает автор с триумфом и самодовольством, - тогда исчезает этот геркулесов аргумент, который побудил эпикурейцев отказаться от доброго Божества, а манихеев заменить его злым”. (*Ib.* подразделы 7, подп. *прекрасно.*) Не делает объяснение более удовлетворительным или даже более понятным заключительный отрывок "всего", в котором нам говорится, что “из конфликта двух свойств, а именно всемогущества и благодати, неизбежно возникает зло. Эти атрибуты мирно взаимодействуют друг с другом и в то же время сдерживают и ограничивают друг друга ”. Отсюда можно было бы ожидать, что никакого зла вообще не существует. “Между ними существует своего рода борьба и противостояние, тень и сходство которых присущи злу в природе. Таким образом, именно здесь, и нигде больше, мы обнаруживаем первичный и наиболее несомненный источник зла”.

Такова эта знаменитая работа; и можно с уверенностью утверждать, что более полной неудачи в преодолении большой и общепризнанной трудности — более неудовлетворительного решения важного вопроса — не найти во всей истории метафизической науки.

Среди авторов, рассматривавших этот предмет, высокое место по праву принадлежит архидьякону Булги, чьи работы о *Божественном милосердии* доктор Пейли всегда упоминает с большой похвалой. Но несомненно то, что этот ученый и благочестивый писатель либо никогда не составлял себе очень точного представления о реальном обсуждаемом вопросе, а именно о совместимости явлений, которые мы видим и которые считаем злом, с Существом бесконечно могущественным, равно как и добрым; либо у него были в уме какие-то мнения относительно божественной природы, мнения ограниченного рода, которые он не высказывает отчетливо, хотя постоянно допускает, что они влияют на его приправы. Следовательно, всякий раз, когда он приближается к реальной трудности, он, кажется, задает вопрос. Нескольких примеров того, что на самом деле пронизывает всю работу, будет достаточно, чтобы показать, насколько неудовлетворителен ее общий охват, хотя она содержит, подобно трактату доктора Кинга и комментарию доктора Лоу, много ценных наблюдений по деталям предмета.

И сначала мы можем заметить, что то, что он называет “*предыдущим замечанием*” и желает, чтобы читатель “прошел через все доказательства божественной благосклонности”, на самом деле содержит утверждение, что *трудность заключается в том, чтобы обойти ее и не встречаться с ней*. “Намерение произвести благо, - говорит он, - будет достаточно очевидным в любом конкретном случае, если рассматриваемая вещь не может быть ни изменена, ни изъята без потерь или вреда, все остальные вещи остаются неизменными. Если вы предполагаете, что *различные* вещи в системе изменились *одновременно*, вы не можете судить ни о

возможности, ни о последствиях изменений, не имея достаточного опыта, чтобы направлять вас”. Несомненно, этот постулат делает весь вопрос таким простым, какой когда-либо приходилось решать метафизику или натуралиста. Ибо вопрос уже не в том, Почему могущественное и доброжелательное Существо создало мир, в котором царит зло, а только в том, насколько дан мир, насколько различные его устройства согласуются друг с другом? Согласно этому, землетрясение в Лиссабоне, любимый пример Вольтера, унесло жизни тысяч людей, потому что в природе вещей заложено, что подземные испарения должны взрываться, и что когда дома падают на людей, они должны погибать. Затем, если доктор Балги перейдет к другому своему аргументу, на котором он часто останавливается, о том, что если бы эта природа была изменена, мы вряд ли могли бы сказать, не могло ли бы последовать худшее; это тоже предполагает ограниченную власть Божества, противоречащую гипотезе. Наиболее справедливо можно сказать, что если и есть какое-то одно предположение, с необходимостью исключенное из всего рассуждения, то это фундаментальное предположение “предыдущего замечания”, а именно: “все остальное остается неизменным”.

Но посмотрите, как это предположение пронизывает и парализует весь аргумент, делая его совершенно неубедительным. Автору предстоит ответить на возражение, вытекающее из структуры нашего пищевого аппетита, и его ответ заключается в том, что “мы не можем сказать, насколько *возможно*, чтобы желудки и небо животных были сформированы иначе, если только не с помощью какого-либо средства, более сильного, чем болезнь”. Опять же, по вопросу о боли: “Откуда мы знаем, что *возможно*, чтобы неприятное ощущение ограничивалось конкретными случаями?” Таким образом, мы встречаемся с той же ошибочностью в другой форме, поскольку зло является результатом “общих принципов”. Но никто никогда не заходил в этом так далеко, как доктор Балги, поскольку он говорит, “что при таком правительстве многие события, вероятно, произойдут вопреки намерениям его автора”. Теперь он призывает на помощь случайность. “Вполне вероятно, — говорит он, — что Бог должен быть добрым, ибо зло, скорее всего, является *случайным*, чем кажется из опыта поведения людей”. Действительно, его фундаментальное положение о благосклонности Божества покоится на том основании, что “были предназначены только удовольствия, и что страдания являются случайными последствиями, хотя и являются средством получения удовольствий”. Неоднократно повторяется одно и то же обращение к несчастному случаю. Таким образом, “события, которым мы подвергаемся в этом несовершенном состоянии, кажутся *случайными*, а не естественными последствиями нашей структуры и состояния”. Теперь может ли что-либо быть более очевидным, чем то, что самое первое представление о мудром и могущественном Существом исключает все такие предположения, как то, что вещи происходят вопреки Его намерению; и что когда мы используем слово “случайность”, которое означает только наше человеческое незнание причин, мы сразу отказываемся от всего вопроса, как если бы мы сказали: “Это предмет, о котором мы ничего не знаем”. Итак, снова о власти. “Хороший замысел более *труден* в исполнении и, следовательно, с большей вероятностью будет выполнен *несовершенно*, чем злой, то есть со смесью эффектов, чуждых замыслу и противоположных ему”. Это сразу предполагает, что Божество бессильно. Но затем делается более четкое общее заявление на тот же счет. “Совершенно очевидно, что он может сделать все возможное. Но компетентны ли мы в какой-либо степени судить о границах возможного?” Итак, снова, в другой форме, природа представлена как нечто отличное от своего автора и предлагающее пределы его власти. “Очевидно, что природа не использует метод мгновенного достижения своих целей”. Отбрасывая такие положения, как то, что “*бесполезное зло* - это невиданное явление”

(когда весь вопрос заключается в том, почему те же цели не были достигнуты без зла), и множество других второстепенных допущений, противоречащих гипотезе, мы можем остановиться на этом общем утверждении, которое подтверждается почти на каждой странице книги доктора Балги, что вопрос, который он поставил перед собой, скорее всего, не имеет отношения к реальному происхождению Зла; и что эта попытка решения столь же неэффективна, как и любая из тех, которые мы рассматривали.

Является ли, таким образом, совершенно неразрешимым вопрос, в решении которого все эти ученые и изобретательные люди потерпели полную неудачу? Должна ли трудность вечно оставаться непреодолимой, и нужно только приблизиться к ней, чтобы обнаружить, что она непреодолима? *Должен ли предмет, из всех других наиболее интересный для нас, оставаться для нас всегда запечатанной книгой, о которой мы никогда ничего не сможем узнать?* Исходя из природы вещи — из вопроса, касающегося действия силы, которая для наших ограниченных способностей всегда должна быть непостижимой, — кажется, слишком много оснований полагать, что человеческий разум никогда не достигнет ничего точного или удовлетворительного в отношении этого великого аргумента; и что границы, ограничивающие наши взгляды, будут преодолены только тогда, когда мы избавимся от обременений нашего смертного состояния и нам будет позволено обозревать те области за пределами сферы нашего нынешнего ограниченного существования. Другая ветвь Естественной теологии, та, которая исследует свидетельства Разума и Замысла и приводит нас к ясному пониманию силы и мудрости Божества, культивируется столь же удовлетворительно, как и любой другой раздел науки, опирается на те же виды доказательств и дает результаты, столь же точные, сколь и возвышенные. Эта ветвь никогда не будет отчетливо известна и всегда будет настолько разочаровывать исследователя, что сделает свет Откровения особенно приемлемым, хотя даже эти огни оставляют большую его часть все еще погруженной во тьму — все еще таинственной и неясной.²

Все же давайте попытаемся предложить какое-то возможное объяснение, хотя и признаем, что ничего определенного, ничего полностью удовлетворительного достичь невозможно. Неудачи великих писателей, чьи произведения мы рассматривали, вполне могут научить нас смирению, заставить нас не доверять самим себе и умерить в нас любые радужные надежды на успех. Но они не должны заставлять нас полностью отчаиваться в возможности хотя бы показать, в каком направлении следует искать решение трудности, и где оно, вероятно, будет обнаружено, когда наш слабый разум окрепнет и расширится. Ибо одной из причин их замешательства, безусловно, были их слишком высокие цели, попытка полного решения проблемы, которая допускала лишь приближение и обсуждение пределов.

Все признают, что демонстрация завершена, что показывает существование разума и замысла во вселенной. Строение глаза и уха в точном соответствии с законами оптики и акустики показывает настолько ясно, насколько любой эксперимент может показать что-либо, что источник, причина или происхождение являются общими как для свойств света, так и для формирования хрусталиков и сетчатки в глазу — как для свойств звука, так и для барабанной перепонки, молоточка, наковальни и стремечка уха. Никаких сомнений по этому поводу существовать не может, точно так же, как если бы мы увидели конкретный приказ, отданный группе людей для выполнения определенных необычных эволюций, а затем увидели, как та же самая группа выполняет те же самые эволюции, мы могли бы усомниться в том, что они получили этот приказ. Продуманный, умный и умелый автор этих превосходно адаптированных

работ в равной степени является четким выводом из одних и тех же фактов. Мы можем сомневаться в этом не больше, чем сомневаться, когда видим мельницу, перемалывающую кукурузу в муку, в том, что механизм был изготовлен кем-то, кто разработал с его помощью приготовление хлебных продуктов. Те же выводы делаются в огромном множестве других примеров, как в отношении частей человеческого и других тел, так и в отношении большинства других устройств природы. Аналогичные выводы также делаются из нашего сознания и тех знаний, которые оно дает нам о структуре разума.³ Таким образом, мы обнаруживаем, что внимание ускоряет память и позволяет нам вспоминать; и что привычка облегчает все усилия и все приобретения, помимо того, что она облегчает боль.

Но когда мы переносим наше исследование на другие части, будь то естественная или моральная система, мы вообще не можем обнаружить никакого замысла. Мы часто воспринимаем структуры, об использовании которых ничего не знаем; части тела животных, которые, по—видимому, не выполняют никаких функций - более того, являются источником боли, не принося никакой ощутимой пользы; устройства и движения тел, которые относятся к одному определенному виду, и все же мы совершенно не в состоянии понять какую-либо причину, по которой они не могли бы соответствовать многим другим описаниям; природные процессы, которые, по-видимому, не служат какой-либо цели вообще; и другие операции и другие устройства, выбранные в равной степени без какой-либо полезной перспективы, и все же которые часто приводят к большой очевидной путанице и вреду. Теперь вопрос в том, *во- ли* в каком-либо из этих случаев расположения и структур вообще без видимого объекта, можем ли мы на мгновение предположить, что на самом деле ответа на объект нет, или только предположить, что мы не смогли его обнаружить? *Во-вторых*, не возлагаем ли мы почти столь же единодушно вину на наше собственное невежество в тех случаях, когда иногда ощущается вред, и не кажется ли, что не было достигнуто никакой другой цели, и не приходим ли к выводу, что договоренность была сделана без какого-либо умысла, и что вред возникает без какого-либо умысла, но что, если бы мы знали случай в целом, мы обнаружили бы замысел и уловку, а также что очевидный вред был бы нанесен общему благу? Для нашей настоящей цели нет необходимости допускать это последнее предположение, хотя оно и приближает нас к рассматриваемому вопросу; в настоящее время достаточно признать то, в чем никто не сомневается, что когда, например, обнаруживается часть тела, которой, подобно селезенке, мы не можем приписать какую-либо функцию в организме животного, нам и в голову не приходит делать вывод о том, что она не предназначена для использования, а только о том, что мы пока не смогли обнаружить ее назначение.

Теперь давайте спросим, почему мы, без каких-либо колебаний или каких-либо исключений, всегда и немедленно приходим к такому выводу относительно разума и замысла? Ничто не могло бы быть более нефилософским, более того, более беспочвенным, чем такой процесс рассуждений, если бы мы были в состоянии проследить замысел только в одном или двух примерах; например, если бы мы обнаружили, что только глаз демонстрирует доказательства изобретательности, было бы совершенно необоснованно, когда мы увидели ухо, предполагать, что оно приспособлено к природе звука, и тем более, если при рассмотрении мы обнаружили, что оно не имеет ощутимого отношения к законам акустики. Доказательство изобретательности в одной частности не имеет ничего общего с доказательством, более того, оно даже не дает ни малейшей презумпции изобретательности в других частностях; потому что, *априори*, так же легко предположить, что одна часть природы предназначена для определенной цели, а другая часть, нет, все остальные части сформированы случайным образом и без какого-либо

приспособления, как предположить, что формирование целого управляется замыслом. Почему же тогда мы неизменно и несомненно принимаем упомянутый ход рассуждений и ни на мгновение не подозреваем, что что—либо было сформировано без какой-либо причины - какой-то рациональной цели? Единственным основанием для этой веры является то, что мы смогли отчетливо проследить замысел в столь подавляющем большинстве случаев, что это не оставляет нам права сомневаться в том, что, если бы наши способности были достаточно мощными, или наше расследование было бы достаточно прилежным, мы также смогли бы проследить его в тех сравнительно немногих случаях, относительно которых мы все еще находимся в неведении.

Возможно, стоит привести несколько примеров того неведения, в котором мы когда-то пребывали относительно замысла некоторых важных механизмов природы, и знания, которым мы теперь обладаем, чтобы показать цель их формирования. До оптических открытий сэра Исаака Ньютона мы не могли сказать, почему структура глаза была такой сложной и почему для формирования изображения объектов на сетчатке требовалось несколько хрусталиков и жидкостей. Действительно, до последующего открытия Долландом ахроматического эффекта сочетания различных стекол и более поздних экспериментов мистера Блэра по силе различных преломляющих сред мы не могли отчетливо воспринимать действие и использование сложности строения глаза. Теперь мы хорошо понимаем его природу и способны понять, как то, что когда-то, более того, на протяжении веков казалось ненужной сложностью, образует самый совершенный из всех оптических инструментов, причем в соответствии с самыми определенными законами преломления и рассеивания.

Точно так же в течение нескольких столетий мы наблюдали формы орбит, по которым движутся небесные тела, и обнаружили, что они представляют собой эллипсы с очень малым эксцентриситетом. Но почему эти орбиты имели такую форму, никто не мог даже предположить. Если бы любого человека, наиболее глубоко сведущего в математической науке и наиболее внутренне убежденного во всеобщем преобладании замысла и изобретательности в структуре Вселенной, спросили, по какой причине планеты движутся по эллипсам, почти приближающимся к окружностям, он не смог бы назвать никакой веской причины, по крайней мере, помимо предположения. Сила тяготения, даже если допустить, что она является, так сказать, условием создания материи, с таким же успехом заставила бы эти тела вращаться по эллипсам любой степени эксцентриситета, при условии, что угол и сила проекции были бы различными. Тогда почему была выбрана именно эта форма, а не какая-либо другая? Никто не знал; но никто не сомневался, что для этого было достаточно причин. Соответственно, выдающиеся открытия Лагранжа и Лап-Пласа показали нам, что этот небольшой эксцентриситет является одним из существенных элементов в формуле, с помощью которой показано, что все нерегулярности системы периодичны и что отклонение никогда не может превышать определенной величины с обеих сторон.

Но, опять же, хотя мы и не знаем об этой, возможно, самой возвышенной истине во всей науке, мы всегда спорили так, как будто система несовершенна, как будто возмущающие силы различных планет и солнца, воздействуя друг на друга, постоянно меняют орбиты каждой планеты и должны в течение веков привести к разрушению всего планетарного устройства, которое мы созерцали с таким великим восхищением и трепетом. Было сочтено достаточным, если бы мы смогли показать, что это нарушение должно происходить чрезвычайно медленно, и что, следовательно, система могла бы просуществовать еще много веков, не требуя какого-либо

вмешательства всемогущего мастерства для ее сохранения путем исправления ее движений. Так, один из самых известных авторов, процитированных выше, утверждает, что “из-за природы гравитации и концентричности орбит возникающие нарушения при сжатии, расширении и наклоне этих орбит происходят так медленно, что система может функционировать в течение многих тысяч лет, прежде чем для ее исправления потребуется какое-либо чрезвычайное вмешательство”. И доктор Бернетт добавляет, что “эти небольшие нарушения не бросают тень на хорошее устройство системы в целом”. Ничто, однако, не могло бы бросить тень на большее, если бы все было так, как предполагал он, и как предполагали все люди, предшествовавшие поздним открытиям. Они скорее думают, что это была всего лишь “небольшая нерегулярность”, которая ежечасно вела к разрушению всей системы и которая, должно быть, вывела из строя всю ее структуру задолго до того, как разрушила ее. Однако теперь мы видим, что мудрость, для которой тысяча лет - как один день, не удовлетворилась созданием ткани, которая могла бы прослужить “много тысяч лет без Его вмешательства”, а сформировала ее так, что она может существовать вечно.

Теперь, если таковы основания нашей веры во всеобщее преобладание Замысла и таковы различные взгляды, которыми в разные периоды нашего научного прогресса мы обладаем на эту отрасль божественного управления; если мы, несомненно, верим, что изобретательность универсальна только потому, что мы можем проследить и постичь ее в подавляющем большинстве случаев, и если число исключений из правила иногда уменьшается по мере того, как время от времени расширяются наши знания подробностей, — не можем ли мы применить тот же принцип к пониманию Благой цели и сделать вывод из числа примеров, в которых мы ясно видим ее? воспринимаете ли вы благое намерение, что если бы мы были лучше знакомы с теми случаями, в которых сейчас очевидно противоположное намерение, мы бы и там обнаружили преобладающий в целом характер Доброжелательности? Это не только способ, которым мы рассуждаем о Замысле Творца, изучая его творения; это способ, которым мы относимся к поведению наших ближних. Человек, отличающийся безграничной доброжелательностью и строжайшей честностью в своем поведении, совершил нечто двусмысленное; более того, нечто явно грубое и жестокое; мы не спешим осуждать его; мы отдаем ему должное за то, что он действовал из благих побуждений и ради праведной цели; мы остаемся довольны тем, что “если бы мы только знали все, он вышел бы невиновным”. Это проистекает из справедливого и здравого взгляда на человеческий характер и его общего соответствия самому себе. Те же рассуждения, несомненно, могут быть применены со всем смирением и почтением к делам и намерениям великого Существа, которое внедрило в наши умы принципы, ведущие к такому справедливому и здоровому взгляду на поступки и мотивы людей.

Но пусть этот аргумент будет основан на нашем ходе рассуждений о божественном замысле. Существование Зла ни в коем случае не является более очевидным, чем существование Беспорядка во многих вещах. Не будем заходить дальше последнего приведенного примера — математик мог заметить нарушение в планетарных орбитах, мог продемонстрировать, что оно должно быть следствием взаимного воздействия небесных тел друг на друга, мог с предельной точностью рассчитать его развитие, мог со всей точностью сказать, насколько это изменит форму орбит за данное время, мог предвидеть момент, когда вся система должна быть безвозвратно разрушена в результате его функционирования как математической достоверности. Ничто из того, что мы называем злом, не может быть воспринято с большей определенностью, чем это расстройство, которое само по себе является злом, безусловно,

большим несовершенством, если бы система наблюдалась разумом человека, когда мы рассматриваем человеческие дела. Однако теперь, тщательно рассмотрев некоторые вещи, которые ускользнули от внимания, мы обнаруживаем, что система абсолютно свободна от нарушений; что все возмущения уравнивают друг друга; и что орбиты никогда не могут быть ни сплющены, ни выпуклы сверх определенной или очень незначительной величины. Может ли кто-нибудь сомневаться в том, что есть причина даже для такого малого и ограниченного, этого регулярного и временного расстройства? Почему оно вообще существует или хотя бы в малейшей степени, мы пока не знаем. Но кто осмелится усомниться в том, что у этого есть причина, которая сразу же удовлетворила бы наши умы, если бы была нам известна? Более того, кто подтвердит, что открытие этого, возможно, еще не отложено до какого-нибудь более позднего и счастливого века? Тогда разве мы не вправе применить те же рассуждения к тому, что в настоящее время кажется Злом в системе, в которой, после всего, что мы о ней знаем, так много все еще остается скрытым от нашего взора?

Сам по себе акт творения в Существе, обладающем такой замечательной мудростью и такой огромной силой, по-видимому, делает чрезвычайно вероятным, что совершенная доброта сопровождает проявление его совершенного мастерства. Есть что-то настолько противное всем нашим чувствам, но также и всем представлениям нашего разума, в предположении, что такое Существо желает страданий ради них самих Существ, которых оно добровольно создало и наделило чувствующей природой, что разум естественно и непреодолимо отшатывается от такой мысли. Но это еще не все. Если бы природа этого великого Существа была злой, а его могущество безграничным, была бы определенная пропорция между количеством бед и памятниками этой силы. И все же мы поражены необъятностью Его работ, которым нельзя приписать никакого несовершенства и в которых нельзя проследить никакого зла, в то время как количество зла, которое мы видим, могло бы утонуть в самом незначительном пространстве; и это таково, что существо с незначительной силой и очень ограниченными навыками могло бы легко совершить. Это не то же самое соображение, что и баланс добра и зла; и исследователи, похоже, недостаточно уделили ему внимания. Аргумент, однако, заслуживает большого внимания, поскольку он чисто индуктивный. Показано, что божественная природа облечена огромной силой и несравненной мудростью и умением, — силой и умением, столь обширными и настолько превосходящими наше понимание, что мы обычно называем их бесконечными и склонны лишь постигать возможность ограничения ходом аргументации о зле, одна из альтернатив которого, как предполагается, создает исключение. Но, допуская в связи с обсуждаемым вопросом, что мы имеем полное право сказать, что сила и мастерство необычайно велики, хотя, возможно, и не безграничны, они ясно показаны в явлениях вселенной как атрибуты Существа, которое, будучи настроенным ко злу, могло бы создать памятники Зла в масштабе, подобном масштабам Силы и Мастерства; так что, если те вещи, которые кажутся нам злом, на самом деле являются результатом коварного замысла такого Существа, мы не можем понять, почему они находятся в столь совершенно ином масштабе. Факты убедительно свидетельствуют о том, что мы неправы, приписывая эти проявления такому расположению духа. Если это так, то то, что кажется злом, должно иметь какое-то другое объяснение, согласующееся с божественной благостью, то есть вообще не было бы злом, если бы мы знали все эти факты.

Но необходимо сделать еще один шаг вперед, особенно с учетом фундаментальной позиции, за которую сейчас борются, а именно распространить на вопрос о Благожелательности те же принципы, которые мы применяем к вопросу об Интеллекте. Существующее зло, или то, что мы

считаем злом, не только имеет вид и масштабы, требующие невообразимо меньшей силы и меньшего мастерства, чем признанное благо творения, — оно также имеет очень малую долю в количестве; столь же малую, как случаи неизвестного или нераскрытого замысла по сравнению с случаями признанного и доказанного изобретательства. Вообще говоря, сохранение и счастье чувствительных существ, по-видимому, является великой целью творческих усилий и консервативного провидения. Расширение наших способностей, как физических, так и умственных, сопровождается удовольствием; упражнение этих сил почти всегда сопровождается удовлетворением; любой труд действует так, что делает отдых особенно приятным; большая часть труда — это наслаждение; удовлетворение тех appetitов, с помощью которых сохраняется как личность, так и продолжение рода, доставляет огромное удовольствие всем животным; и следует заметить, что вместо того, чтобы быть привлеченными благодарными чувствами к выполнению чего-либо, необходимого для нашего блага или даже для нашего существования, нас могло бы с такой же вероятностью побудить чувство боли или ужас перед ней, которые являются своего рода страдание само по себе. Таким образом, природа подобна законодателю, который, чтобы заставить своих подданных повиноваться, должен предпочитать предлагать награды за выполнение своих приказов, а не осуждать наказания за неповиновение. Но природа еще более добра; она беспричинно добра; она не только предпочитает побуждение угрозе или принуждению, но и добавляет больше удовольствия, чем было необходимо, чтобы заставить нас повиноваться ее призывам. Как хорошо могло бы существовать и продолжаться все творение, если бы воздух весной не был благоуханным, а тень и родник освежающими летом; если бы земля не была покрыта цветами; и воздух не благоухал благовониями! Насколько ненужным для размножения растений было то, что семя должно быть заключено в плоды, наиболее вкусные на наш вкус, и если эти плоды служат какой-то другой цели, насколько чуждым этой цели было формирование наших нервов, устроенных так, чтобы их вкус успокаивал или возбуждал! Здесь мы воспринимаем замысел, потому что отслеживаем адаптацию. Но в то же время мы воспринимаем благожелательный замысел, потому что воспринимаем даруемое безвозмездное и дополняющее наслаждение. Таким образом, вы также увидите, с какой заботой ухаживают за животными всех видов с момента их рождения. Материнский инстинкт, несомненно, является средством обеспечения своего потомства не более, чем ее удовлетворение от акта материнской заботы велико и также не является необходимым для того, чтобы заставить ее выполнять этот долг. Во время спаривания и насиживания в роще не делают крикунов, чтобы обеспечить кладку или вылупление яиц; потому что, если бы в ней было тихо, как в могиле, или раздавалось бы самое нестройное кваканье, процесс шел бы так же хорошо. Точно так же обратите внимание на тщательность, с которой устраняются травмы с помощью того, что правильно называется *vis medicatrix*. Повреждена ли мышца? — Происходит нагноение, процесс грануляции завершается успешно, и образуется новая плоть, заполняющая разрыв, или, если он менее широкий, более простой процесс заживления сращивает разорванные части. Повреждена ли кость? — Начинается процесс, при котором происходит экстраординарная секреция костного вещества и заполняется пустота. Более того, непоправимое повреждение сустава приводит к образованию нового шарнира, с помощью которого те же функции могут выполняться без каких-либо неудобств, хотя и менее совершенно. Таким же образом, восстановление сил после болезни обеспечивается повышенным аппетитом; но обычно к этому добавляется чувство комфорта и легкости, наслаждение существованием настолько восхитительно, что общеизвестно, насколько это компенсирует страдания от болезни. В экономии ума происходит то же самое. Все наши усилия стимулируются любопытством, и удовлетворение от него является чрезвычайным. Но это могло

быть устроено иначе, и какое-то болезненное чувство могло бы стать единственным стимулом к приобретению знаний. Итак, очарование новизны вошло в поговорку; но оно могло быть постоянной причиной самых болезненных тревог. Привычка облегчает все; но повторение могло только усилить раздражение. Потеря одного органа обостряет другие. Но частичное повреждение могло вызвать, так сказать, общий паралич. Таким образом, Пейли вполне прав, восклицая: “В конце концов, это счастливый мир!” Боли и страдальчества, телесные и умственные, которым мы подвергаемся, если и не сходят на нет, то, по крайней мере, отступают в сравнительно узких пределах; беды едва заметны, когда мы созерцаем великую и великолепную картину мирского наслаждения или непринужденности.

Но существование значительных страданий неоспоримо, и вопрос, конечно, ограничивается этим. Его преувеличение, по обычной оценке как вульгарных, так и скептически настроенных рассуждателей, одинаково несомненно. Пейли, бишоп Самнер, а также Дерхэм, Кинг, Рэй и другие авторы старшего поколения сделали много разумных и в целом правильных замечаний относительно его размера, и они, а также некоторые из способных и образованных авторов *Бриджуотерских трактатов*, многое сделали для установления выводов, которые необходимо сделать, чтобы мы могли прийти к истинному размеру. То, что многие вещи, по-видимому, несмешанные со злом, при более узком рассмотрении оказываются частично полезными, является справедливым результатом их благонамеренных трудов; и это, хотя и является чем угодно, кроме доказательства того, что зла вообще нет, все же ценно как еще одно доказательство аналогии между этой ветвью аргументации и той, что была задумана; и вселяет надежду, что впоследствии все, возможно, окажется хорошим, поскольку все, несомненно, будет создано с разумной и полезной целью. Возможно, будет уместно добавить одно-два замечания о некоторых пороках, имеющих наибольшую величину в общепринятой оценке человеческого счастья, с целью дальнейшей иллюстрации этой части предмета.

Простое несовершенство должно быть полностью списано со счета. Никогда нельзя утверждать, что первопричине можно приписать какую-либо злую природу просто за то, что она не наделила чувствующие существа большей силой или мудростью, за то, что они не увеличили и не умножили источники наслаждения или за то, что они не сделали те удовольствия, которые мы имеем, более утонченно благодарными. Никто не может быть настолько глуп, чтобы утверждать, что Божество либо ограничено в силе, либо лишено благости, потому что оно решило создать некоторые существа менее совершенного порядка, чем другие. Следовательно, простое отрицание при создании некоторых, даже многих, нет, любого мыслимого количества желаемых атрибутов не является надлежащим доказательством злого умысла или ограниченной власти Творца - это не доказательство существования зла в собственном смысле этого слова. Но разве это также не вычеркивает смерть из списка болезней? Божеству вполне могло быть угодно создать смертное существо, которое, состоящее из души и тела, должно было прожить на этой земле лишь ограниченное количество лет. Если по истечении этого времени это существо переходит в другое, более высокое состояние существования, никакое зло, какое бы оно ни причинило ему это изменение; и все взгляды правительства этого мира приводят к важному и утешительному выводу, что таков замысел Создателя; что он не мог даровать нам разум, способный к такому расширению и культуре, только для того, чтобы быть уничтоженным, когда они достигнут наивысшей ступени совершенствования; или если это рассматривать как напрашивающийся вопрос, предполагая благожелательный замысел, мы не можем легко понять, что, хотя на силу разума так мало влияет разложение тела, разрушение или растворение последнего должно быть исчезновением

первого. Но очевидно, что смерть действует как зло самого высокого рода двумя способами; страх перед ней часто ожесточает жизнь, а смерть друзей вызывает в памяти самые болезненные последствия; безусловно, это величайшие страдания, которые она может претерпеть без какого-либо собственного преступного сознания.

Тогда как же мы будем отвечать за это зло — это тяжкое и признанное зло? Но сначала давайте рассмотрим, не неизбежно ли это; не только при нынешнем устройении и существующем положении вещей; ибо это совершенно не имеет отношения к вопросу, который ставится опригодности самого этого положения вещей; но не является ли это необходимым злом. То, что человек мог быть создан бессмертным, не отрицается; но если Божество хотело создать ограниченное существо и поместить его на землю только на определенный период времени, то его смерть была необходимым следствием этого определения. Тогда что касается боли, которую удаление одного человека причиняет выжившим сторонам, то это кажется столь же необходимым следствием наличия у них привязанностей. Ибо если какое-либо существо испытывает любовь к другому, это подразумевает его желание, чтобы общение с этим другим продолжалось; или, что то же самое, отвращение к его прекращению; то есть оно должно страдать из-за такого удаления любимого объекта. Создать чувствующие существа, лишённые всех чувств привязанности, было, без сомнения, возможно для Всмогущества; но наделить эти существа такими чувствами, которые давали бы постоянное удовлетворение, получаемое от благожелательных чувств, и все же сделать их полностью безразличными к потере объектов этих чувств, было невозможно даже для Всмогущества; потому что это было противоречием в терминах, эквивалентным тому, чтобы заставить вещь существовать и не существовать одновременно. Было бы ли бы какое-нибудь значительное счастье в жизни, лишённой этих добрых привязанностей? Мы не можем утверждать, что не было бы, потому что мы не знаем, какими другими удовольствиями можно было бы заменить потворство им. Но мы также не можем утверждать, что какая-либо такая замена могла быть найдена; и на тех, кто отрицает необходимую связь между человеческим разумом или разумом любого чувствующего существа и горем по поводу потери друзей, лежит обязанность показать, что существуют другие удовольствия, которые могли бы обеспечить эквивалент удовлетворению, получаемому от доброжелательных чувств. Тогда вопрос сводится к следующему: почему существо, которое могло бы сделать чувствующие существа бессмертными, решило сделать их смертными? или, почему оно поместило человека на землю только на время? или, почему он установил границы силам и способностям, которыми ему было угодно наделить свои создания? И это вопрос, который мы, конечно, никогда не сможем решить; но вопрос, чрезвычайно отличающийся от того, который ставится чаще — как случилось, что доброе существо сделало мир полным страданий и смерти?

В том необходимом неведении, в котором мы пребываем относительно всех замыслов Божества, мы не можем задаваться вопросом, являются ли некоторые вещи, нет, многие ли, для наших способностей непостижимыми. Но мы, конечно, не имеем права говорить, что те трудности, которые мучают и досаждают нам, не поддаются разрешению, так же как и не имеем права утверждать, что те случаи, в которых мы пока не видим никаких следов умысла, не являются в равной степени результатом интеллекта и не в равной степени способствуют достижению определенной и полезной цели, как и те, в которых мы смогли воспринять всю или почти всю схему. Какими бы великими ни были наши достижения в физической астрономии, мы все еще совершенно неспособны понять, почему система пронизана силой, действующей обратно пропорционально квадратам расстояния от точки, к которой она притягивается, а не

силой, действующей по какому-либо другому закону; и почему всемогущему Архитектору этой вселенной было угодно, чтобы орбиты планет были почти круглыми, вместо того чтобы приближаться ко многим другим траекториям почти аналогичной формы, хотя и с другими свойствами; более того, вместо того, чтобы быть кривыми совершенно другого класса и формы. И все же мы никогда не сомневаемся, что для этого выбора была причина; более того, мы воображаем возможным, что даже на земле мы сможем впоследствии понимать это более ясно, чем сейчас; и никогда не подвергаем сомнению, что в другом состоянии бытия нам может быть позволено наслаждаться созерцанием этого. Почему мы должны сомневаться в том, что, по крайней мере, в этом высшем состоянии, мы также можем быть способны воспринять такое устройство, которое полностью устранило зло из нашей нынешней системы, показав, что оно было необходимым и неизбежным даже в деяниях Божества; или, что то же самое, что его существование ведет к такой степени совершенства и счастья в целом, которая не могла быть достигнута без него даже Всемогуществом; или, что то же самое, что все творение в том виде, в каком оно существует, включая оба мира вместе, совершенно и неспособно существовать ни в каком другом виде? что конкретно изменилось, не став хуже и менее совершенным? Принимая оба мира вместе — ибо, конечно, если бы наши взгляды ограничивались нынешним подлунным состоянием, мы могли бы с полным основанием утверждать, что никакого решения этой трудности нельзя было бы даже вообразить — если мы никогда больше не будем жить; если те, кого мы здесь любили, навсегда потеряны для нас; если наши способности не могут получить дальнейшего развития; если наши умственные силы тренируются и совершенствуются только для того, чтобы угаснуть на их вершине — тогда мы действительно низведены до меланхолической и мрачной дилеммы эпикурейцев; и зло признается чекеру, более того, почти омрачает всю нашу судьбу, без возможности спасения. постижение причины или примирение его существования с предположением о провидении, одновременно могущественном и благом. Но этот вывод также является дополнительным аргументом в пользу будущего состояния, когда мы соединяем его с другими выводами, касающимися мировой экономики, к которой нас ведут совершенно разные пути, когда мы исследуем явления вокруг нас и внутри нас.

Предположим, например, что должно быть обнаружено, что существуют определенные цели, которые никоим образом — никаким мыслимым способом — не могут быть достигнуты, кроме как путем помещения человека в состояние испытания; предположим, что сущностная природа разума будет обнаружена такой, что он никоим образом не мог бы существовать таким образом, чтобы быть способным к величайшей чистоте и совершенствованию — другими словами, высочайшему совершенству — без прохождения испытания; или предположим, что должно быть обнаружено невозможное доставлять определенные удовольствия разумным и чувствующим существам, не подвергнув их предварительно определенным испытаниям и определенным страданиям — как, например, удовольствия, проистекающие из сознания совершенной безопасности, уверенности в том, что мы больше не можем страдать и погибать, — это, конечно, возможное предположение. Теперь, продолжая последний пример, — какое бы удовольствие ни заключалось в контрасте между легкостью и предшествующим огорчением или болью, какое бы удовольствие мы ни получали от чувства абсолютной безопасности после огорчения и неуверенности в ненадежном состоянии, подразумевает предыдущее страдание — предыдущее состояние ненадежного наслаждения; и не только подразумевает это, но обязательно подразумевает это, так что сама сила Всемогущества не могла бы доставить нам наслаждение, не подарив нам предшествующее страдание. Тогда разве не возможно, что целью всемогущего и совершенно благожелательного существа должно быть создание

подобных существ, которым должно быть дано такое же полное счастье, как и любому сотворенному существу, то есть любому существу, кроме самого Творца, которое по возможности может наслаждаться? Это, конечно, не только вполне возможное предположение, но и, по-видимому, вполне согласуется с тем, что он был совершенно добрым, а также могущественным и мудрым, если это не является необходимым следствием того, что он был совершенно добрым, а также могущественным и мудрым. Итак, мы показали, что, предполагая такой замысел Провидения, даже само Всемогущество не смогло бы осуществить этот замысел, поскольку речь идет об одном великом и важном классе наслаждений, без предшествующего существования некоторой боли, некоторого страдания. Какое бы удовлетворение ни возникало от облегчения — от контраста - от безопасности, сменяющей тревогу, — от восстановления утраченных привязанностей — от возобновления разорванных связей - и многих других подобного рода, им ни при каких обстоятельствах нельзя было бы наслаждаться, если бы сначала не было перенесено соответствующее страдание. Этот аргумент никоим образом не будет опровергнут замечанием о том, что одно Существо можно заставить испытывать удовольствие от легкости и безопасности, видя, как другие подвергаются страданиям; ибо это предполагает причинение страданий этим другим; мы предполагаем, что *“alterius spectare laborem”* является сладким; и это все еще является частичным злом.

Поскольку весь аргумент, касающийся зла, должен, исходя из природы вопроса, сводиться либо к доказательству некоторой абсолютной или математической необходимости, которую нельзя устранить бесконечной силой, либо к показу того, что какое-то такое доказательство может быть возможным, хотя мы его еще не обнаружили, естественно ожидать, что иллюстрация может быть получена из математических соображений. Таким образом, мы уже обращались к закону периодических неоднородностей в солнечной системе. Любой человек до того, как это было открыто, казался вправе распространяться о действии возмущающих сил, возникающих из взаимного притяжения, и обвинять систему, устроенную по принципу всемирного тяготения, в недостатке мастерства, более того, в том, что она ведет к неизбежному вреду — вреду или злу столь огромных масштабов, что оно неисчислимо превосходит все случаи зла и страданий, которые мы видим вокруг нас на этой единственной планете. Тем не менее, то, что тогда так явно казалось недостатком и злом, теперь хорошо известно как абсолютное совершенство всей небесной архитектуры.

Опять же, мы можем вывести подобную иллюстрацию из гораздо более ограниченного примера, но такого, который непосредственно связан со строгими математическими рассуждениями и полностью основан на природе необходимой истины. Задача нахождения формы симметричного твердого тела, или вращающегося тела, которое при движении через жидкость должно испытывать минимально возможное сопротивление, была решена математиками, первыми исследовавшими ее сэром Исааком Ньютоном. Эта фигура имеет поразительное сходство с рыбой. Теперь предположим, что рыба была сформирована точно такой формы, и что какое-нибудь животное, наделенное разумом, было помещено на часть ее поверхности и могло отслеживать ее форму лишь на ограниченном протяжении, скажем, в узкой части, где широкая часть или конец движущегося тела были противопоставлены окружающей жидкости, или казалось, что они противопоставлены, когда рыба двигалась, - рассуждающий сразу же заключил бы, что устройство формы рыбы было очень неудобным, и что ничто не могло быть гораздо хуже приспособлено для быстрого или легкого передвижения по воде.

Однако несомненно, что после того, как нам будет позволено осмотреть ВСЕ тело рыбы, то, что казалось дефектом и злом, не только явно окажется отсутствующим вовсе, но и станет очевидным, что это кажущееся зло или дефект были частью самого совершенного и превосходного строения, которое было возможно даже для Всемогущества и Всеведения, и что никакое другое мыслимое устройство не могло бы дать столько преимуществ или в такой степени способствовать осуществлению задуманного. Таким образом, прежде чем быть просвещенным таким расширенным взглядом на все факты, было бы опрометчиво и нефилософски со стороны рассуждающего, существование которого мы предполагаем, высказывать неблагоприятное мнение. Еще более неразумно было бы, если бы многочисленные другие наблюдения выявили следы мастерства и добротности в строении рыбы. Истинным и безопасным выводом было бы отказаться от мнения, которое могло быть неудовлетворительно сформировано только на основе несовершенных данных, и пребывать в скромной надежде и вере, что однажды все обернется к лучшему.

КОНЕЦ.

СНОСКИ:

1 (возврат)

["Свет откровения", так же как и "свет христианской религии", не рассеял тьму невежества. Факел разума — более надежный путеводитель.-Лаб.]

2 (возврат)

[Человеческая раса с незапамятных времен страдала от так называемых откровений, все из которых претендовали на вдохновение, все противоречили друг другу и все были в равной степени "таинственными и неясными". Войны, возникающие между этими сектантами, затормозили развитие цивилизации и залили землю кровью. Открытия науки, основанные на разуме и доказательствах, оказались единственным надежным и благотворным руководством.—Изд.]

3 (возврат)

[Хотя приведенный здесь аргумент о замысле и продвигает тему на шаг вперед, он все равно неудовлетворителен, поскольку не объясняет нам, кто разработал дизайнера, и тайна творения все еще остается неразгаданной.

“Что вы думаете о беспричинной причине всего сущего?” — уместен вопрос, который епископ Уотсон в своей *Апологии Библии* задал, и тщетно, знаменитому деисту Томасу Пейну.-Паб.]